НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

ИЗОБРЕТАТЕЛЬ СМЕРТИ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Изобретатель смерти (сборник)

«Эксмо»

2016

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Леонов Н. И.

Изобретатель смерти (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо», 2016 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-87477-4

На презентации развлекательного центра «Тридевятое царство» произошла трагедия: рухнула крыша одного из павильонов. Пострадали люди, в том числе родственники уголовного авторитета по кличке Зубр. Подозревая, что это теракт, устроенный кавказскими или среднеазиатскими криминальными группировками, Зубр объявляет им войну. Приступивший к расследованию дела полковник Гуров предотвращает бандитскую бойню, обещая найти виновных в десятидневный срок. Постепенно следователи приходят к выводу, что это не рядовая бандитская разборка – в павильоне действительно сработало сложное взрывное устройство, изготовленное профессионалом высочайшего класса. Вычислить такого специалиста – не просто дело чести сыщика-важняка, но и задача государственной важности.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87477-4

© Леонов Н. И., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Изобретатель смерти 6
Суббота и воскресенье 6
Понедельник 12
Вторник 17
Среда. Утро 23
Среда. День. Она же – день первый 30
Среда. Вечер 42
Четверг. Утро. День второй 49
Четверг. День, вечер и ночь 57
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Николай Леонов, Алексей Макеев
Изобретатель смерти

© Леонова О.М., 2016
© Макеев А., 2016
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Изобретатель смерти

Суббота и воскресенье

Погода в последнюю субботу мая стояла сказочная, словно на заказ, потому что в этот день состоялось наконец открытие огромного развлекательного центра «Тридевятое царство». Он был выстроен в одном из недавно присоединенных к столице районов в чисто русском стиле – все персонажи и декорации были взяты только из русских народных сказок, а также сказок русских и советских писателей, поэтому и получил в народе название «Наш ответ Диснейленду».

Высокие гости и руководство фирмы сели в два электропоезда: «Паровозик из Ромашково» и «Голубой вагон», и поехали на экскурсию, а по дороге их приветствовали русалка, кот ученый, тридцать три богатыря, Маша и три медведя, старуха у разбитого корыта, Хозяйка Медной горы и герои других сказок. Одним словом, все, что раньше показывали только в рекламных роликах по телевизору, гости могли теперь увидеть своими глазами.

Совершив полный круг, поезда остановились снова у входа, возле которого стоял павильон – большая избушка на курьих ножках, в которой за легким угощением и должна была закончиться экскурсия. Павильон был сложен из блоков пенобетона, что значительно облегчало конструкцию, а снаружи утеплен и облицован пластиком под дерево. Якобы куриные ножки были на самом деле двумя сваями – проектировщики клялись и божились, что никакого перекоса никогда не будет, тем более что массивное крыльцо тоже являлось опорой. Обрамленные ярко раскрашенными наличниками и ставнями окна были небольшими, но двускатную крышу покрыли тонированным стеклом, так что внутри было светло. А для вечернего времени предусматривалось искусственное освещение – на якобы деревянных балках висели сделанные на заказ и расписанные вручную на сказочные темы стеклянные светильники, каждый два метра в диаметре. Рассчитанный на триста посадочных мест павильон внутри был также декорирован соответствующим образом, выполненные в виде молодого месяца столы располагались так, чтобы, сидя за ними с вогнутой стороны, все гости могли видеть, что происходит на сцене. В углу была сложена самая настоящая действующая русская печь, в которой пеклись пироги, и аромат стоял одурманивающий.

Высокие гости вошли внутрь, но задерживаться не стали, а просто выпили по бокалу шампанского, поздравили владельцев Центра с успехом, пожелали всяческого процветания и убыли. А тем временем два веселых поезда уже забрали первую группу гостей и отправились в путь.

Центр был разрекламирован так, что билеты раскупили до конца летних каникул, но в этот свой первый, к тому же воскресный, день он должен был работать в особом режиме. Владельцы фирмы распространили бесплатные билеты исключительно среди нужных людей, для них-то и была придумана эта сокращенная программа, чтобы охватить как можно больше народа. А чтобы не было очереди, в пронумерованных билетах указывалось время прохода в Центр, а также места в вагончиках и за столиками в павильоне.

Пока все шло по плану. Первая группа экскурсантов, проехав по Центру, заняла свои места в павильоне, чтобы отдать дань угощению, а вторая группа тем временем отправилась в поездку. Полные впечатлений дети восторженно осматривались по сторонам, на сцене выступали клоуны, между столами сновали одетые в русские народные костюмы официантки, гремела музыка. И вдруг с балки неожиданно сорвался светильник и, упав на один из столиков, накрыл собой сидевших за ним людей. Все замерли от неожиданности. Потом какой-то мужчина бросился к столику, чтобы помочь пострадавшим, но, увидев капавшую на пол кровь,

застыл на месте. Тут с балок сорвались еще два светильника и, упав на пол, разбились вдребезги. Павильон резко осел на тот угол, где находилась печь, и люди вместе со столами и стульями стали съезжать в ее сторону, а те, кто стоял, попадали на пол. Началась страшная паника! Схватив детей, люди бросились к дверям, но оказалось, что их заклинило от перекоса. Крыша тоже его не выдержала, листы стекла, из которых она была собрана, с оглушительным треском лопались, и осколки сыпались на людей. Некоторые гости под градом осколков сумели добраться до окон, вышибли их и стали буквально выбрасывать наружу детей. Уши закладывало от детского плача, визга женщин, криков боли и отборного мата мужчин. Одним словом, это был ад кромешный.

К счастью, владельцы Центра предусмотрительно вызвали на всякий случай не только бригаду «Скорой помощи», но также спасателей и пожарных, и все три машины с самого утра дежурили в укромном месте, поэтому ехать им было недалеко. Поняв, что своими силами справиться не удастся, они вызвали подкрепление и приступили к работе. Завывая сиренами, к Центру со всех сторон неслись машины, в больницах срочно готовили места для пострадавших.

Так весело начавшийся праздник закончился трагедией!

Ничего не подозревавший полковник-важняк с Петровки Лев Иванович Гуров ехал этим утром на дачу к своему другу и коллеге, тоже полковнику-важняку Станиславу Васильевичу Крячко. Жена Гурова, народная артистка России Мария Строева, была занята в вечернем спектакле, жена Стаса маялась в Москве от радикулита – перетрудилась в огороде, так что друзья могли без помех наслаждаться отдыхом. Радио что-то тихо бубнило, к чему Лев не особо прислушивался, но вдруг прозвучало:

– Мы прерываем нашу программу, чтобы передать срочное сообщение. Несколько минут назад в развлекательном центре «Тридевятое царство» произошла трагедия: обрушилась крыша павильона. На месте происшествия работают сотрудники МЧС и бригады «Скорой помощи». Имеются человеческие жертвы.

– Строители, мать их! – выругался Гуров.

Он поехал дальше, но вдруг его пронзила страшная мысль – его друг Алексей Попов должен был быть там в это время с женой и внуками, и Лев тут же схватился за телефон. К счастью, Попов ему ответил – оказалось, они были не в павильоне, а на территории.

– Лева, мы в порядке. Ты не дергайся, Степа с Ликой уже сюда сорвались.

– Понимаю, только я к вам ближе, – ответил Гуров и помчался к Центру, предупредив по дороге Крячко, что приезд отменяется.

Дорога к центру развлечений была забита машинами родственников тех, кто находился в Центре. Полиция пыталась навести хоть какой-то порядок, только это у них получалось плохо. Поняв, что ему не проехать, Гуров оставил машину и пошел к входу пешком. Предъявив полицейским удостоверение, прошел на территорию и, найдя старшего, объяснил:

– У меня здесь друг! Не в павильоне, а на территории. Я хочу вывезти его с семьей.

– Размечтался! – нервно рассмеялся тот. – Тут «Скорым» приходится через всю территорию до запасного въезда пилить, а потом здоровенный крюк делать, чтобы в Москву ехать. Мы «неотложки» сейчас именно тем путем сюда и запускаем, а то ведь не пробьются здесь.

Он ушел по своим делам, а Лев позвонил Попову:

– Леша, я здесь. Где вы конкретно находитесь?

– Лева, мы уже по дороге в Москву – один знакомый здесь неподалеку оказался. Ну а мою машину потом Степан заберет.

Успокоившись за Попова и его семью, Гуров наконец огляделся и увидел, что возле одного из спасателей, майора, стоят четверо молодых мужчин и что-то возбужденно говорят ему, а тот орет на них:

– Русский язык понимаете? Не положено! А если вас там завалит, к едрене фене? Кому за это отвечать? Мне!

– Пусть нас лучше там завалит, чем потом живьем закопают за то, что хозяина не уберегли! У него жена беременная! Двое детей с ними! И никого из них еще не вынесли! Может, они там кровью истекают? – орали ему в ответ.

– Командир! – тихо, но твердо произнес старший из парней. – Пойми меня правильно. Я тебя не пугаю. Просто если хозяин или кто-то из его семьи погибнет из-за того, что мы их не нашли и вовремя к врачам не доставили, нам не жить. Но и тебе тоже. Очень тебя прошу: побереги себя. Так ты нас пропустишь или нам с боем прорываться? Учти, нам терять нечего.

Майор призадумался, а Лев подошел к нему, представился и обратился к парням:

– Вы чьих же это будете? – Ответа он не получил и повернулся к майору: – Пропустите их. Пусть своих найдут – все вашим полегче будет. А чтобы вы не думали, что они мародерством займутся, я сам с ними пойду.

– Ну… – растерянно пожал плечами майор. – Тогда идите. Только каски наденьте. – Он рукой показал, где их взять. – Не дай бог, приложит вас сверху чем-нибудь по головушке. Хотя… Не в обиду вам будет сказано, товарищ полковник, но вы, кажись, и так на всю голову ушибленный, если по своей воле туда лезете.

Метнувшийся за касками парень принес пять штук, все их надели, и Лев предложил:

– Не будем осложнять спасателям жизнь. Они из дверей пострадавших выносят, а мы через окно войдем. Кстати, возле «Скорых» кто-то из ваших дежурит? А то вдруг разминетесь?

Оказалось, что там остался водитель одной из машин, который сообщит, если кого-то увидит. Гуров вслед за парнями влез внутрь, и спасатели тут же возмущенно заорали на них.

– Мы здесь по своей надобности, мешать не будем, – успокаивающе проговорил Лев и, увидев в окно лежавшие на земле тела с закрытыми лицами, в том числе и детские, спросил у парней: – Среди трупов смотрели?

– Тьфу-тьфу-тьфу, нет там наших, – ответили ему.

Он заинтересовался кучей под столом, которая вопреки законам физики осталась на месте, хотя ей положено было съехать к печи. Лев пробрался к ней и начал осторожно стряхивать в сторону темные осколки – видимо, лист стекла с крыши упал целиком и попал одним краем на стол, а другим – на пол. И вдруг увидел ботинок из белой замши.

– Парни, какая обувь на вашем хозяине была? Случайно не из белой замши?

Парни мгновенно бросились к нему, и Гуров отошел, чтобы не мешать им. Они отставили в сторону стол, и стало видно, что на полу, лицом вниз, лежит мужчина и кого-то закрывает своим телом. Они стали его поднимать, но не смогли сдвинуть с места. Оказалось, что он, сорвав кожу с пальцев и, видимо, ногти, намертво вцепился в плинтус. С большим трудом его пальцы все же удалось разжать, его подняли, перевернули, аккуратно положили в сторонке и только тогда увидели, что под ним на правом боку лежала без сознания женщина, прижимавшая к себе двух девочек, а вот в левом боку у нее торчал длинный осколок стекла.

– Господи! Только бы жива была! – простонал старший.

Он пощупал пульс на ее шее и с огромным облегчением вздохнул. Но самым ужасным было то, что перепачканные ее кровью дети были в сознании, они дрожали мелкой дрожью, постоянно икали, а глаза у них были как у затравленных зверьков. Увидев знакомые лица парней, дети дружно заплакали, а у Гурова сердце зашлось и дыхание перехватило.

– Носилки несите, – приказал старший и объяснил Льву: – Мы тут две частные «Скорые» вызвали, совсем рядом стоят.

– Какие носилки? – заорал Гуров. – Вон занавес на сцене! Срезайте его! Ты на ее ноги посмотри! Они все в крови! Она же ребенка потеряла! Пока вы копаться будете, она кровью истечет! А детей я на руках понесу!

– Твою мать! – выкрикнул тот. – Несите занавес, быстро!

Занавес сдернули, сложили в несколько раз и на одной его половине вынесли мужчину, а на другой, положив ее на правый бок, чтобы не потревожить осколок, женщину, а Гуров нес перепачканных кровью девочек, которые вырывались так, что он с трудом их удерживал. Но сколько перед этим потребовалось сил, чтобы оторвать их от нее! В машинах «Скорых» над потерпевшими тут же захлопотали врачи, а старший позвонил кому-то и с огромным облегчением сказал:

– Всех нашли! Все живы! Едем в больницу! – Отключив телефон, он обратился ко Льву: – Спасибо тебе, полковник Гуров! Ты сегодня не только им, но и нам четверым жизнь спас. Будет нужда – обращайся! – Он пошарил по карманам, бумаги не нашел, тогда написал на сотенной купюре свой номер телефона и протянул ее Гурову.

– Как хоть зовут тебя? – поинтересовался Лев.

– Глеб, – ответил парень. – Луну с неба не обещаю, но мы и на земле много чего можем.

Завывая сиреной, «Скорые» рванули с места, за ними тронулись и машины парней, а Лев вздохнул и тяжело поплелся к своей. На душе было так погано, что хотелось нажраться до провалов в биографии, чтобы наутро ничего не помнить, чтобы не стояли перед глазами ряды лежавших на земле тел, чтобы не звучали в ушах крики и стоны людей. Он сел за руль, и тут силы окончательно оставили его. «Да-а-а! Старею! – с тоской подумал Лев и мысленно взмолился: – Господи! Сделай так, чтобы меня к этому делу не подключили! А то ведь я, когда найду виновных, своими руками их убью!»

Приехав домой, он, к счастью, не застал там жену – Мария уже ушла в театр. Лев снял свой измазанный кровью старый костюм, который надевал только для поездок на дачу к Стасу, и засунул в мешок для мусора. Потом долго стоял под душем, чтобы окончательно успокоиться, и, решив, что у него это получилось, собрался поесть, но кусок не лез в горло. Включить телевизор ему и в голову не пришло, читать – тоже, и он, выпив снотворное, лег спать. Таким его и застала вернувшаяся домой Мария.

Звонок домофона Гуров утром услышал, но решил проигнорировать. Зря, потому что Мария его все равно разбудила – к ним пришел Орлов и уже ждал его в кухне. Генерал-майор Петр Николаевич Орлов был самым старшим в этой троице друзей и начальником управления, где служили Лев и Стас, но сначала другом, а уже потом начальником. Лев быстро оделся и прошел на кухню. Орлов, сидя за столом, мял своими короткопалыми руками лицо, зачем-то подергал себя за нос картошкой, вздыхал… В общем, всем своим видом демонстрировал, как ему неловко.

– Петр! Ты что-то долго разбегаешься, – заметил Лев. – Прыгай уж!

– Лева! Ты слышал, что в развлекательном центре произошло? – спросил наконец Орлов.

– И даже видел! Я там вчера был!

– Лева, создается… – начал было Петр, но Гуров перебил его:

– Уже все понял! Межведомственная рабочая группа по расследованию этого происшествия. Так это само собой подразумевалось. Учти, если ты скажешь, что от нас в нее, как почетная затычка ко всем бочкам, включен я, то…

– И Крячко, – подтвердил Петр. – Все же знают, что вы только вместе работаете.

– Ну, знаешь! – возмутился Гуров. – Сколько можно нами все дыры затыкать? Неужели кроме нас во всем Главке никого не нашлось? Ты что, не мог стукнуть кулаком по столу и отстоять нас?

– Мог! – кивнул Орлов. – И в понедельник у вас был бы уже новый начальник. И ты даже знаешь кто – Шатров. Он спит и видит, как в мое кресло сесть, и тех, кто его туда с радостью посадит, ты тоже знаешь. Так не проще ли нам троим подать рапорта, чтобы нервы себе не мотать, и с чистой совестью в отставку?

– Ну сколько можно нас друг другом шантажировать?! – окончательно взбесился Лев.

– Пойми, я не виноват, что там хотят именно тебя, – развел руками Петр.

Хорошо зная своего друга, он предпочел мудро помолчать, пока Лев успокоится и можно будет поговорить по делу. И действительно, пока Гуров налил и включил чайник, пока доставал бокалы, ложки и сахар, его гневный настрой несколько поутих, и он уже нормальным голосом произнес:

– Петр! Какая сейчас может быть рабочая группа, когда еще ни коня, ни воза! Там, наверное, еще и завалы до конца не разобрали, и эксперты ничего не отработали. Это будет просто говорильня.

– Ну, некоторые версии мне уже озвучили, – заметил Орлов. – Во-первых, конечно же, строители. Они торопились сдать объект к намеченной дате и что-то недоделали.

– Бесперспективно! – категорично заявил Лев. – Ты помнишь, как в аквапарке «Трансвааль» стеклянная крыша обрушилась? Там жертв тоже много было, а чем все закончилось? Главного архитектора и главного эксперта Москвы суд оправдал! И никто за смерть людей не ответил!

– Во-вторых, конкуренты, – продолжал как ни в чем не бывало Орлов.

– Даже не смешно! – поморщился Лев. – Ну какие могут быть конкуренты у заведения, равного которому в России нет?

– Тогда третья версия – теракт.

– Хрень беспробудная! – отмахнулся Гуров. – Что же тогда это обрушение не устроили, когда внутри была чертова прорва начальства? И городского, и областного? Так что это тоже не вариант.

– А вот давай мы вместе с тобой съездим в наше министерство к двенадцати часам и послушаем, что умного нам скажут, – предложил Петр. – Крячко я предупредил, он уже выехал. И не надо мне говорить, чтобы я только с ним туда пошел, а ты дома останешься, все же знают, что первая скрипка – ты, а не он.

Когда Лев пошел переодеваться, Петр с облегчением выдохнул – когда Гуров закусывал удила, справиться с ним было практически невозможно, даже вдвоем со Стасом. Теперь оставалось надеяться на то, что Лев ничего не выкинет прямо на совещании – Гуров терпеть не мог дураков и непрофессионалов и не считал нужным скрывать этого. В министерстве, в холле их уже ждал Крячко. Он все еще дулся на Гурова за то, что тот не к нему поехал, а помчался спасать Попова, но мудро молчал, видя, что друг не в настроении.

Совещание действительно было чисто организационным. В межведомственную рабочую группу включили представителей различных ведомств, а возглавил ее генерал-лейтенант со смешной фамилией Плюшкин. Когда он взял слово, Лев откровенно затосковал, потому что тот нес откровенную ахинею. Он распинался, что совершившие это преступление террористы нанесли международному престижу России колоссальный ущерб, они бросили нашей стране вызов, который мы не имеем права оставить без ответа, и теперь все наши силы должны быть направлены… И все в этом духе.

– Идиот! – тихо сказал Лев. – Но почему он так уверенно говорит о теракте?

– Принимает желаемое за действительное. Наверное, надеется, что если раскроет дело, то станет национальным героем. Уже и новые погоны себе заказал, и дырочку под орден в кителе провертел, – язвительно прошептал Крячко.

Наконец Плюшкин выдохся, членов рабочей группы представили друг другу и постановили встретиться для разработки общего плана действий, как только появятся первые данные, а в дальнейшем собираться ежедневно для обмена информацией. Пока же решили танцевать в буквальном смысле слова от печки, то есть от допущенных при проектировании и строительстве ошибок и недочетов, которые должны были выявить изучавшие уже изъятую документацию эксперты. Как оказалось, проектировщики и руководство всех фирм, причастных к строительству павильона, уже находились под стражей. Оставлять их на свободе было нельзя

– родственники пострадавших их просто растерзали бы. Но вот один из четырех совладельцев Центра, не успев, видимо, вовремя смыться за границу, находился под домашним арестом.

Выйдя из министерства, все трое, не сговариваясь, поехали к Гурову.

– Давайте решим так, – начал Лев. – Пока не появятся какие-то реальные улики, на эти ежедневные посиделки будет ездить Стас, а то, если Плюшкин опять начнет чушь молоть, я ведь не удержусь и выскажусь по полной программе.

– Лева, расскажи, что там в Центре было, – попросил Стас.

Глядя в окно и стараясь сдерживать эмоции, Гуров вкратце рассказал, что видел и делал. Орлов с Крячко слушали его молча, только желваками поигрывали, а когда он закончил, Петр спросил:

– Так кого же ты найти помог?

– Я его не знаю, но, судя по всему, это какой-то крупный криминальный авторитет. Если только его охрана не блефовала, чтобы запугать майора, то нравы в этой группировке царят даже не жесткие, а жестокие.

– Ну, тогда виновные в том, что он с семьей пострадал, на белом свете не заживутся, и смерть их легкой не будет, – заметил Стас.

– Их сначала еще найти надо, – вздохнул Лев.

Понедельник

Гуров ошибся, и на совещание в понедельник ему пришлось ехать самому, потому что не только спасатели, но и эксперты работали круглосуточно и выявили интересные факты.

Один из экспертов вывел на экран изображение павильона и наглядно показал, что произошло. Итак, в местах крепления четырех светильников к балкам были заложены точечные заряды самодельной взрывчатки, а в качестве детонаторов использовались сотовые телефоны. Три устройства сработали, а одно – нет. При относительно небольшом взрыве крепление разрушилось, и светильник упал. Дальнейшее объяснение Гуров даже не стал слушать – вес, сила ускорения, сила тяжести и так далее были не его епархией. Но вывод он понял – именно упавший возле печи светильник вызвал смещение центра тяжести павильона, который в результате осел на этот угол. Смещение также вызвало перекос дверей и конструкции крыши, что привело к ее разрушению, и листы стекла начали падать вниз. По мнению экспертов, время, когда взрывчатку заложили к креплениям светильников, определить невозможно, потому что они были смонтированы заранее, и проводка выведена наружу, сами светильники повесили за неделю до происшествия, а сотовые-детонаторы подключили в пятницу. Преступнику оставалось только позвонить на них, и цепи замкнулись.

– Могу с уверенностью заявить, что работал не профессионал, а гениальный дилетант, – подытожил эксперт. – В качестве взрывчатки он использовал смесь собственного изобретения. Сотовые телефоны были старыми, поэтому на один из них сигнал не прошел, и светильник не упал, а мы, таким образом, получили в руки всю конструкцию.

После эксперта слово взял криминалист и доложил, что на сотовых телефонах и непосредственно взрывных устройствах были обнаружены и полные, и фрагментарные отпечатки пальцев двух человек, но ни по каким базам данных они не проходят. Потожировые следы дали возможность определить, что преступники – мужчины, группа крови у обоих вторая, резус положительный. На одном из соединений были найдены следы крови – видно, один из преступников укололся проводом, ДНК выделена, так что в случае задержания подозреваемого идентифицировать преступника будет несложно.

Выслушав все это, Гуров крепко призадумался, а вот Плюшкин принялся с пеной у рта доказывать, что это был самый настоящий теракт, преступник просто прикинулся дилетантом, чтобы ввести следствие в заблуждение. Когда Льву надоело слушать этот бред, он встал и громко сказал:

– Полковник полиции Гуров. Разрешите высказаться? – И, не дожидаясь ответа, начал говорить: – Господа офицеры! Совершенно очевидно, что это не теракт, а дело чисто уголовное. Что говорит в пользу этой версии? Исполнитель – не профессионал, что особо отметили специалисты. Он применил самодельную взрывчатку…

Продолжить ему не дали, стали перебивать, возражать, а Плюшкин почти завизжал:

– Что, полковник, одеяло на себя тянешь? На генеральские погоны надеешься?

– Если бы хотел, давно бы носил, но они мне не нужны, – отрезал Гуров. – Честь имею! – И, бросив тихонько Крячко: – Досмотри этот цирк, а потом приезжай ко мне, – вышел из кабинета.

Дома Мария, взглянув на мужа, тут же поняла, что с вопросами лучше не приставать. За ужином Лев немного успокоился и стал ждать Крячко, чтобы обсудить с ним, как они будут работать дальше – ясно же как божий день, что это покушение на убийство чистой воды. Но дождаться Стаса он не смог, потому что зазвонил его сотовый, и он, увидев, что это глава Администрации президента Олег Михайлович Александров, тяжко вздохнул – понятно, на него нажаловались, и теперь предстоит объясняться. Но он ошибся.

– Лев Иванович! Как вы понимаете, такое резонансное дело находится на контроле у Самого, и поэтому мне постоянно докладывают, как оно продвигается. Мне сообщили, что сегодня на рабочем совещании вы хотели высказать свою точку зрения, но вас не стали слушать. Если вас не затруднит, не могли бы вы немедленно приехать ко мне на Старую площадь, чтобы мы могли обсудить те выводы, к которым вы пришли. Машину за вами я вышлю.

– Конечно, Олег Михайлович, я немедленно выезжаю, – с готовностью ответил Лев, понимая, что с такой поддержкой он сможет довести расследование до конца.

Увидев, что муж бросился в спальню и стал спешно переодеваться, Мария тут же всполошилась:

– Лева! Ты куда на ночь глядя?

– В Администрацию президента, к Александрову, – пояснил Лев. – Машину он за мной вышлет, а с их номерами она здесь будет уже через несколько минут. Скажи Стасу, чтобы он меня дождался.

И вот Гуров уже сидел в знакомом ему кабинете напротив Александрова.

– Лев Иванович, один раз я высказал сомнение в вашей компетентности и оказался не прав, а свои ошибки я повторять не люблю. Поэтому расскажите мне, пожалуйста, свое видение ситуации, а также возможные направления расследования этого дела. Говорите подробно, время у меня есть.

Гуров сосредоточился, помолчал пару минут, потом заговорил:

– Озвученная генерал-лейтенантом Плюшкиным версия о теракте вызывает у меня большие сомнения. Первое, имей это дело политическую подоплеку, взрывы произвели бы в тот момент, когда в павильоне было городское и областное руководство, а этого не произошло. Второе, по утверждению экспертов, подрывник не является профессионалом, но он обязательно должен обладать глубокими познаниями в самых разных областях. Подтверждением чему служит тот факт, что он изобрел взрывчатку, смастерил взрывные устройства и нашел у павильона самое уязвимое место, что и вызвало его перекос. Как бы не с высшим техническим образованием наш подрывник оказался. Но! Он использовал в качестве детонаторов старые, видимо, купленные в каком-нибудь киоске или с рук сотовые телефоны. То есть он рисковал, что какой-то из них может не сработать, а именно это и произошло – аккумуляторы-то все старые! Такие заряжай – не заряжай, а надолго не хватит! Потому-то и установил он все в пятницу. Допустим, он очень хорошо разбирается в мобильниках, проверил их и устранил неисправности. Но аккумуляторы-то остались старые! А это значит…

– Он ограничен в средствах, – понятливо покивал Олег Михайлович.

– Да! На новые телефоны у него не было денег, и он решил рискнуть, а профессионал так никогда не поступил бы. Вывод: это неорганизованная самодеятельность какого-то отдельного лица или группы лиц. Итак, что мы имеем в сухом остатке. Преступник – человек, обладающий глубокими познаниями в химии, физике и математике. Можно предположить, что в девяностые он остался без работы и очутился на улице. Найти себя не сумел, поэтому сейчас без денег. Кого он в первую очередь должен винить за свою сломанную жизнь? Властей предержащих. Но он не произвел подрыв, когда они находились в павильоне, а это значит, что политическую составляющую можно смело отбросить.

– Может быть, этот человек просто ненавидит всех, кто чего-то добился в жизни, и чужое веселье ему как нож острый? – предположил Александров.

– Тогда он мог бы устроиться уборщиком в какой-нибудь ночной клуб и подорвать его, к чертовой матери, – возразил Лев. – А его не остановило даже то, что в павильоне будет много детей. Значит, мотив у него был! Причем мотив личный! Видимо, в тот момент в павильоне находился человек, которого он считает своим смертельным врагом и личность которого предстоит выяснять. Это может быть человек, обанкротивший предприятие, где он работал. Врач,

сделавший неудачную операцию близкому ему человеку. Человек, сбивший насмерть на своем автомобиле кого-то из его родных и не понесший за это наказания. Список можно продолжать до бесконечности.

– То есть вы полагаете, что хотели убить какого-то конкретного человека и ради этого положили столько ни в чем не повинных людей? – Лицо Александрова окаменело.

– Лист прячут в лесу, Олег Михайлович! – жестко ответил Гуров. – Я не знаю, сколько человек уже погибло и сколько еще умрет в больницах, но мне хватило и тех трупов, которые я видел на земле возле павильона. Я буду искать этого подонка день и ночь и не успокоюсь до тех пор, пока не найду!

Они немного помолчали, чтобы успокоиться, и Александров спросил:

– Значит, вы хотите сначала вычислить жертву и уже через нее выйти на преступника?

– Да, Олег Михайлович, хотя сейчас это будет очень трудно сделать – людям ни до чего: у них или похороны, или больницы. К тому же у людей этого круга врагов столько, что о существовании некоторых из них они могут даже не подозревать. Но это будет все-таки легче, чем искать преступника среди рабочих, а там точно был если не он сам, то его сообщник. Большая часть рабочих на таких стройках – нелегалы, у которых нет регистрации, и работали они без оформления, их сейчас уже днем с огнем не сыщешь. Тем более что строители, завершив свою часть работы, переходили на другой объект, а им на смену приходили другие. Но у нас есть отправная точка – сотовые-детонаторы были подключены в пятницу. В этот день преступник обязательно был в Центре. Нужно выяснить, кто из рабочих находился на объекте, и очень предметно с ними побеседовать.

– Но преступник откуда-то должен был точно знать, что его враг находится в павильоне, – напомнил Олег Михайлович.

– С тех пор как появился Интернет, люди лишились права на личную жизнь, что уж тут говорить о компьютерной базе какой-то фирмы? А преступник наш с физикой и математикой знаком не понаслышке. Нужно будет выяснить, не было ли там информации о том, кому конкретно раздавались пригласительные билеты. Пусть умельцы посмотрят, не взламывали ли базу, откуда это сделали и когда. Конечно, могут появиться и другие проблемы, но их будем решать по мере поступления.

– Насчет билетов я вам и сам могу сказать. В Администрацию их принесли в одном конверте тридцать штук, на субботу и воскресенье, на разное время. Я позвонил Попову, он подумал, посоветовался с женой и выбрал себе билет на субботу, на самое раннее время, а остальные я отдал Митрофанову – он у нас такими делами занимается. Сейчас его на месте нет, но завтра утром он подготовит вам список сотрудников, которым раздал билеты, – объяснил Александров и, подумав, предложил: – Давайте решим так. Рабочая группа будет отрабатывать версию теракта, хотя, после того, что вы мне рассказали, она представляется сомнительной, а вы займетесь своей версией.

– Хотелось бы, чтобы полковник Крячко остался в составе рабочей группы, мне нужно оперативно получать через него свежую информацию, – попросил Лев.

– А зачем? – усмехнулся Александров. – Вы будете получать ее одновременно с ними, а может быть, и раньше. – Он вдруг вздохнул: – Эх, Лев Иванович! Насколько все было бы проще, будь вы генералом! Я назначил бы вас руководителем рабочей группы и…

– И я тут же погряз бы в отчетах, согласованиях, разборе межведомственных склок и так далее. На ковре бы перед вами за чужие ошибки отдувался! Простите, что перебил, но нет, Олег Михайлович! Меня и мои работа с должностью и званием вполне устраивают!

– Лев Иванович! Вы не опер, а очень хороший аналитик. И это не лесть, а констатация факта. Вот и занимайтесь этой работой, а бегать ножками предоставьте тем, у кого это лучше получается, хотя бы в силу возраста. Кандидатура Степана Савельева вас устроит?

– Более чем, – выразительно произнес Гуров. – Но ведь ему тоже не разорваться.

– Ну, зачем вам знать, сколько и каких людей он будет привлекать к работе? – усмехнулся Александров. – Вы ставите задачу, а он находит способ ее решения.

– Мне кажется, что господин Савельев сделал в неведомой мне организации гораздо более успешную карьеру, чем та, какая ждала бы его в полиции, – заметил Лев.

– Просто мы умеем ценить умных, смелых, инициативных и исполнительных людей, – невозмутимо ответил Александров. – Я сейчас дам команду, и Степан свяжется с вами, может быть, даже сегодня вечером. А вы пока подумайте, что и как нужно будет еще сделать. Я полагаю, его полномочий для решения ваших задач должно хватить. Если же нет, обращайтесь непосредственно ко мне, и любая помощь будет вам оказана незамедлительно. Желаю удачи. Да, кстати, машина вас ждет.

Приехав домой, Гуров увидел дремавшего в кресле перед телевизором Крячко, а Мария занималась своими делами – люди свои, давно знакомы, занимать гостя беседой не обязательно. Растолкав Стаса, Лев отвел его на кухню и пересказал ему свой разговор с Александровым. Тот озадаченно почесал в затылке:

– А ты уверен, что мы вдвоем эту ношу потянем? Вот был бы ты руководителем рабочей группы и тогда только указывал бы пальчиком, кому в какую сторону бежать, а сам…

– Бежал бы следом и перепроверял за ними! – язвительно закончил Гуров. – Нет уж! Если хочешь что-то сделать хорошо, делай это сам! Да и потом, нам в помощь Степана дают, так что потянем!

И, словно услышав, что речь идет о нем, позвонил Савельев:

– Лев Иванович, я уже более-менее в теме, но давайте я к вам утром приеду, а то я уже дома и до вас доберусь только ночью. Зато в качестве извинения привезу кое-какие материалы – мне их обещали срочно отксерокопировать.

– Хорошо, жду тебя завтра утром с подарками, – согласился Гуров.

– Степка? – спросил Крячко и усмехнулся: – Тот еще оторва! Он даже мне форы даст и обгонит.

И действительно, этот парень прошел суровую школу выживания сначала под руководством своего соседа, вора-рецидивиста Василия Зимина по кличке Шурган, а потом на Северном Кавказе, где служил в войсковой разведке и откуда вернулся домой с правительственными наградами. Несмотря на то что его отец, Николай Степанович Савельев, был не самым последним российским олигархом и ворочал миллионами отнюдь не рублей, Степан в удовольствиях жизни не погряз. Отдав им должное, он занялся настоящим мужским делом: служил сначала в полиции Новоленска – это в Якутии, потом в Москве в группе Гурова, а сейчас вот стал не самым последним человеком в неведомой Льву секретной службе, подчинявшейся кому-то на самом верху. И то, что его туда устроил тесть, ни о чем не говорило – будь Степан бестолочью, Попов пальцем о палец не ударил бы, чтобы ему помочь, а уж к своей дочери на пушечный выстрел не подпустил бы.

– Но вот где мы штаб-квартиру устроим? – озадаченно спросил Стас. – На Петровке нельзя. Там у нас столько заклятых друзей, что утечку информации устроят на раз-два, чтобы нам подгадить.

– Ничего, Степан что-нибудь придумает. Ты предупреди Орлова, что нас с утра не будет, и приезжай сразу ко мне. Дождемся Степана, все обговорим, и за работу.

– Петра в подробности посвящать будем?

– Конечно, нет, – категорично заявил Гуров. – После моего демонстративного ухода с совещания, да еще если ты на них больше ходить не будешь, Плюшкин поймет, что мы ведем альтернативное расследование, и за Петром станут бдить изо всех сил. И с просьбами мы к нему обращаться не будем, потому что по ним легко выяснить направление, в котором мы

двигаемся. Но это не проблема, как я понял, через Степана «вся королевская конница и вся королевская рать» будут в нашем распоряжении. Главное, самим не оплошать.

Вторник

Утром Гурову позвонил Савельев и сказал, что он и Крячко ждут его внизу – незачем мешать Марии. Спустившись, Лев действительно увидел их возле подъезда и спросил у Крячко:

– Ты Орлова предупредил? – Тот кивнул. – Ну и что он сказал?

– Горбатый, могила, лопата! Что же еще? – хмыкнул Стас.

– Значит, благословил! – сделал вывод Лев и перешел к делу: – Степан, у нас есть одна проблема…

– Уже знаю, – улыбнулся Савельев. – Предлагаю свою городскую квартиру. Дом в тихом центре, на охраняемой территории, охранник на входе, замки в двери надежные, а в самой квартире есть сейф. Заберу у жены и тестя ключи, вот и будет у каждого по комплекту. Думаю, вам подойдет.

– Сказочно хорошо, – обрадовался Лев.

– Ну, тогда прошу вас следовать за мной, – предложил Степан и пошел к своим «Жигулям», потрепанным на вид, но имевшим мощнейшую начинку, в чем Лев уже имел возможность убедиться.

Гуров и Крячко, каждый на своей машине, отправились вслед за Савельевым. Как он и говорил, эта элитная многоэтажка серьезно охранялась, так что Степану пришлось на въезде оформить пропуска на неопределенное время для сыщиков. В подъезде тоже сидел охранник при оружии, и там эта процедура снова повторилась. Квартира Степана находилась в пентхаусе, металлическая дверь была сделана из бронебойной стали, а замки оказались швейцарскими и, по утверждению специалистов, взлому не поддавались.

– Ну, я пойду чай приготовлю, а вы пока осмотритесь, что и как – вам же тут не один день работать, – предложил Степан, когда они вошли.

Лев и Стас отправились на экскурсию и, осмотрев все, вернулись в совмещенную со столовой кухню, где на столе уже стояли бокалы со свисавшими из них ярлычками дорогого чая, в вазе лежали даже на вид каменные сушки и несколько штук овсяного печенья.

– Все, чем богат, – развел руками Степан. – В морозилке, правда, есть пельмени, но это на обед.

– Да-а-а! – окинув взглядом скромное угощение, заметил Крячко. – С завтрашнего дня будем спасаться самостоятельно, как и заповедовали классики.

Чай они пили впустую, потому что зубы – не волосы, новые не вырастут, а сломать свои об эти сушки было проще простого.

– У меня в дипломате ксерокопии всех документов, что на сегодняшнее утро были у рабочей группы. Я уже просмотрел их, но ничего для нас полезного там нет. Если хотите, позже сами почитаете, – сказал Степан. – Ваш выход, Лев Иванович.

Гуров начал рассказывать ему, к каким выводам пришел, а тот внимательно его слушал.

– Итого, суммируя и обобщая. Первое направление – мы ищем жертву, ради убийства которой и было совершено это преступление. Как мне сказал Александров, в Администрацию принесли тридцать билетов, которые уже там распределялись… – Вдруг Лев похолодел, потому что до него дошло то, на что вчера он не обратил внимания. – Степа, а почему твой тесть, у которого был билет в первую группу гостей, не попал в павильон?

– Они просто опоздали к своему времени из-за аварии на въезде в Москву, вот и попали во вторую группу – тесть договорился, – объяснил Савельев. – Когда там это все случилось, он позвонил мне, я связался со своими ребятами, выяснил, кто из них был ближе всего к Центру, и отправил его за своими. Он приехал туда, козырнул удостоверением, прошел внутрь и вывез моих. Если бы я верил в Бога, то решил бы, что это он их уберег, а так – просто счастливый

случай. – Степан немного помолчал – уж очень болезненными были эти воспоминания, а потом спросил: – На чем мы остановились?

– Нам нужен полный поименный список жертв, как погибших, так и раненых. Уберем оттуда артистов и обслуживающий персонал и будем отрабатывать только гостей на предмет их смертельных врагов, да и вообще, на них потребуется самая полная информация. И с работниками Центра, кто в живых остался, надо предметно побеседовать – вдруг заметили что-то подозрительное в субботу или накануне.

– Списки раненых и погибших уже есть, и их сейчас отрабатывают, пока по документам и досье. Если появится что-то интересное, мне сообщат, и тогда мы будем работать уже целенаправленно по конкретным фигурантам, – сказал Степан.

– Теперь по строителям, – продолжил Лев. – Это, конечно, головная боль, но заниматься все равно надо.

– Их поиском, и вообще всех, кто бывал на стройке, занимаются ФСБ, миграционная служба и полиция. Хвосты им накрутили так, что они всех выявят и никого не пропустят – они же среди них террориста искать будут. Ну а мы, получив эти данные, сможем их с пользой для себя употребить. Что еще?

– Компьютеры фирмы нужно изъять, если их еще не прибрала к рукам конкурирующая сторона… – начал Гуров, но Степан перебил его:

– Сервер фирмы еще в пятницу накрылся медным тазом с громким звоном – кто-то запустил туда вирус, и вся информация исчезла. Сайт фирмы тоже. Тот, кто совершил эту диверсию, запутал свои следы так, что найти будет непросто.

– Значит, у нас остаются только бумажные носители и свидетельские показания, – вздохнул Лев.

– Офис фирмы опечатан, установлен полицейский пост, но это не проблема. Только после того, как документацию изъяли, там остался такой кавардак, что без кого-нибудь из работников нам в нем не разобраться. Поэтому предлагаю сейчас поехать к Владыкину – это один из совладельцев фирмы, и он под домашним арестом. Узнаем у него, в какие организации отдавали пригласительные и в каком количестве, кто занимался непосредственно их отправкой и так далее. А уже там на месте будем выяснять, кому были розданы билеты.

– Зачем это все? – удивился Стас.

Савельев долгим укоризненным взглядом посмотрел на Крячко, а Лев решил не ждать, когда до того дойдет, и объяснил сам:

– Мы не знаем, сколько билетов было заказано в типографии и сколько распределено. В типографии могли напечатать лишние, чтобы взять себе или продать. Да и на фирме кто-то мог стащить. Потом этот билет вручается нужному человеку, тот приходит в Центр, погибает, а при проверке выясняется, что он сотрудник фирмы Х, но это не вызывает подозрений, потому что туда билеты отправлялись официально.

– Но преступник должен был точно знать, что нужный ему человек в павильоне, – не унимался Крячко. – А вдруг он, как Попов, опоздает и войдет со второй группой? Вдруг он заболел и вообще не приехал в Центр. Этот суперпрофи даже к видеокамере наблюдения, которая наверняка была внутри павильона, подключиться не мог, потому что компьютерная сеть накрылась. Это во-первых. А во-вторых, откуда у преступника была гарантия, что человек точно погибнет? А вдруг ему удастся спастись?

Лев со Степаном переглянулись, и Гуров торжественно проговорил:

– Стас! Ты – гений! – Он повернулся к Савельеву: – Все было для отвода глаз! И перекос павильона, и все прочее! Был точно рассчитан один-единственный удар по конкретному человеку, а все остальное – отвлекающий маневр.

– Но для этого преступник должен был точно знать, где этот человек будет находиться, – заметил надувшийся от гордости Крячко.

– На билетах был указан номер столика, – напомнил Степан.

– Ничего! Самое главное, что с основным направлением мы определились, а остальные проблемы будем решать по ходу дела, – с облегчением сказал Гуров. – Но с каким же изощренным и извращенным умом мы столкнулись!

– Господа офицеры! По коням! – Степан поднялся со стула. – Нам нужно к Владыкину! Предлагаю всем ехать на моей машине – если что-то важное узнаем, на обратном пути сможем обсудить.

До дома Владыкина в одном из коттеджных поселков Подмосковья они добрались быстро. Из стоявшего недалеко от его ворот «уазика» ППС доносились музыка и мужской смех, который, однако, тут же стих, когда из «Жигулей» вылезли нежданные гости. Один из полицейских выпрыгнул из машины и, поигрывая дубинкой, направился к ним.

– Не положено! – хамским тоном заявил он, но, увидев удостоверения Гурова и Крячко, завял и скромно удалился.

Степан нажал кнопку звонка и не отпускал ее до тех пор, пока за калиткой не раздался раздраженный женский голос:

– Чего вам от нас еще надо?

– Полиция! Нам надо поговорить с вашим мужем.

– А вы еще не наговорились? – скатываясь в истерику, почти взвизгнула та.

– Хотите маски-шоу посмотреть? – поинтересовался Савельев. – Вызвать недолго.

Калитка открылась, и они увидели довольно молодую женщину с темными кругами под глазами и изможденным лицом. Они предъявили ей свои удостоверения, и она обреченно вздохнула:

– Проходите. И решите уже что-нибудь, потому что дальше так жить невозможно. Детей мама к себе забрала, от греха подальше, а прислуга сама разбежалась – испугалась, когда нас громить приехали. Так что мы с мужем в доме вдвоем. И сил моих уже больше нет! – заплакала она. – Знали бы вы, что нам по телефону говорили! Как и чем угрожали! Я уж и выключила их все, а сама боюсь нос из дома высунуть. Пойдемте, только я представления не имею, как вы с ним будете разговаривать, он пьет постоянно. И оставить его одного я здесь не могу, тогда он точно погибнет.

Они вошли в небольшую комнату на первом этаже, где на диване в одних трусах лежал и спал беспробудным пьяным сном мужчина лет тридцати пяти – сорока, всклокоченный, небритый, потный.

– Он сегодня что-нибудь ел? – спросил Степан, и женщина покачала головой. – Уже лучше! Где у вас тут ближайшая ванная?

– Наверху, но тут в кухне есть большая мойка.

– Замечательно! Сейчас будем вашего мужа очеловечивать! – Савельев повернулся к Гурову и Крячко: – Чего стоим? Понесли!

Даже не пытаясь скрыть отвращение, они втроем дотащили Владыкина до кухни, где бесцеремонно засунули голову пьяного под сильную струю холодной воды. Ждать пришлось долго, но наконец мужчина стал подавать признаки жизни, то есть сопротивляться, что-то бессвязно бормоча. Подержав его под этим своеобразным душем еще минут пять, Степан сказал женщине:

– Поставьте стул вон туда в угол, чтобы он не упал, когда мы его посадим.

Плюхнувшись на стул, Владыкин оглядел их пьяным, бессмысленным взглядом, но по сравнению с тем, что было, чувствовался прогресс. Савельев достал из внутреннего кармана пиджака футляр, а из него большую ампулу. Отломив горлышко, он запрокинул голову Владыкина, отчего его рот открылся, и вылил в него из ампулы какую-то желтоватую жидкость, а потом сказал женщине:

– Дайте стакан обычной воды! – И, когда та его принесла, сунул его в руки Владыкина: – Пей, алкаш!

Мужчина охотно взял стакан, но, выяснив, что это всего лишь вода, отбросил его, и тот разбился. Он попытался встать, но у него ничего не вышло по двум причинам: во-первых, ноги не держали, хоть он и цеплялся за стоявший рядом стол, а во-вторых, хлесткая затрещина, которую он получил от Степана, мигом вернула его на место. Тут до Владыкина наконец дошло, что все это въявь и всерьез, а не снится ему, и второй стакан он выпил уже безропотно.

– Степа, что все это значит? – спросил Лев.

– Отрезвин. Очень действенная штука, – спокойно пояснил парень, убирая ампулу обратно в футляр, а его в карман.

На собственном опыте знавший, что на вооружении у Степана и его людей есть медикаменты, о существовании которых, наверное, даже врачи не догадываются, Гуров углубляться в этот вопрос не стал, а поинтересовался, когда будет результат и надолго ли его хватит.

– Поскольку желудок у него пустой, подействует минут через пятнадцать. Потом где-то с полчаса с ним можно будет разговаривать, а затем он вернется в первоначальное состояние и вырубится.

Они устроились на стульях вокруг Владыкина и молча ждали, когда подействует лекарство. А вот женщине явно нужно было выговориться:

– Вы знаете, а Илюша раньше почти не пил, только шампанское по праздникам. Эта трагедия его почти убила, он все никак не мог поверить, что это их вина – они же и проект самому лучшему архитектору заказали, и сами постоянно на стройку ездили, все проверяли. И Володя Шатунов, это их начальник службы безопасности, там каждый день был, следил, чтобы и материалы не разворовали, и посторонних на объекте не было.

– А какие-нибудь координаты Шатунова у вас есть? – тут же спросил Гуров.

– Конечно, – подхватилась женщина и, достав из кармана сотовый, нашла в нем нужные номера, которые Лев переписал себе, а Степан, глядя ему через плечо, просто запомнил.

– Скажите, а вы случайно не знаете, в какой типографии они пригласительные билеты на субботу и воскресенье заказывали? – продолжил Лев.

– Они не хотели ни от кого зависеть, вот и купили себе мини-типографию.

– А почему он не уехал, как остальные? – спросил Крячко.

– Понимаете, Юра Мелентьев, Гриша Аникин, Антон Калачев и Илюша – друзья с самого детства, в одном дворе выросли, в одном классе учились. Они свой бизнес с нуля начинали – удобрениями торговали, сначала на своих машинах заказы развозили, а потом постепенно поднялись, все нормально было. И тут они этот грандиозный проект задумали, все свои деньги в него вложили, кредиты сумасшедшие взяли, инвесторов привлекли. И все бы у них получилось, если бы… Когда это произошло, Гриша Илюше позвонил и сказал, чтобы тот немедленно срывался, что они в аэропорту его ждут, а муж отказался. Он был уверен, что они ни в чем не виноваты, и полиция с экспертами во всем разберутся и докажут это. Они его уговаривали, говорили, что истинных виновников никто искать не будет, а повесят все на них, но он им не поверил. А потом начался этот кошмар… И Илюша сорвался.

– Откуда же в доме столько спиртного, если он не пьет? – удивился Стас.

– У нас годовщина свадьбы была. В воскресенье, – дрожащим голосом ответила женщина. – Хотели собраться все вместе, чтобы сразу два праздника отметить: и этот, и открытие Центра.

– Всем тихо – Владыкин приходит в себя, – сказал Степан и похлопал Илью по щеке: – Ну, все! Хватит! Открывай глаза! Я же вижу, что ты уже вменяемый! Открывай по-хорошему, а то сейчас врежу!

Владыкин тут же открыл глаза, его взгляд еще не был до конца осмысленным, но уже и не мутно-пьяным.

– Предупреждаю, у нас полчаса, – напомнил Степан.

– Илья, – начал Гуров. – Ваша компьютерная сеть больше не существует, вся информация исчезла. Нас интересует только то, что существует на бумажных носителях или свидетельские показания сотрудников. Вопрос первый: сколько было отпечатано пригласительных билетов на субботу и воскресенье?

– Два дня по пять экскурсий. Триста человек в каждой. Всего три тысячи билетов. Все пронумерованы, – медленно проговорил Владыкин.

– Бракованные и пробные экземпляры куда девали?

– Шредер. Мы не могли рисковать. Слишком важные гости. Посторонних не должно было быть.

– Где они хранились?

– У Юрки в сейфе. Он этими вопросами занимался.

– В какие организации были отправлены пригласительные билеты?

– Принеси мой ноут, – попросил Илья жену, и она мигом умчалась.

– Кто занимался непосредственно распространением билетов?

– Лариса Артамонова.

– Как именно отправлялись пригласительные?

– Курьер, имя не знаю. Спросите в отделе кадров. Ольга Васильевна. Пономарева. Или у секретарши. Люба Светлова.

– Илья! Сосредоточьтесь, пожалуйста! Вспомните, какие-нибудь происшествия на стройке были? Попытки украсть материалы? Бомжи? Просто посторонние, которые зашли поглазеть?

– Это к Шатунову. Но что-то такое было. Кажется, несчастный случай.

Прибежала его жена и принесла ноутбук. Она хотела отдать его мужу, но Степан забрал его.

– Еще уронит, чего доброго. Пароль? – спросил он у Ильи.

– Танечка, – тихо ответил тот, и его губы чуть тронула улыбка.

– Нашу дочку так зовут, – объяснила женщина.

– Где искать?

– Разбирайтесь сами, – слабо махнул рукой Илья. – У меня еще диски с рабочими материалами есть. Жена отдаст. Мне теперь все равно. Все рухнуло. Мы на такие бабки попали! – простонал он.

– Да будь же ты мужиком! Умей держать удар! – заорал на него Степан. – Ты жив! Жена! Дети! По сравнению с этим все остальное – тьфу и растереть! Бабки, видите ли! Люди своих родных потеряли! Это горе! Это беда, которую невозможно пережить! А ты мне про бабки! И кончай пить! Посмотри, до чего жену довел! Она уже на человека не похожа! И ведь не бросила тебя, пьянь беспробудную! Возилась с тобой! Так ты хоть ради нее! Ради детей себя в руки возьми!

Илья заплакал, а Савельев попросил женщину принести диски, и она убежала, а вернувшись, попросила:

– Помогите мне его положить, а то я одна не справлюсь.

Сцепив зубы, они отволокли Владыкина на тот же диван, и, когда собрались уходить, Степан предупредил женщину:

– Если вас будут спрашивать, что мы тут делали, скажете, что пытались поговорить с вашим мужем, но он пьян настолько, что, как мы с ним ни бились, у нас ничего не получилось.

– Но он же протрезвел!

– Это был временный эффект. Организм на короткое время мобилизовал все свои силы, поэтому мы смогли с ним поговорить, но сейчас он снова пьян и, когда проснется, даже не вспомнит о том, что было.

– А он от этого не умрет? – испуганно спросила она.

– От этого, – выразительно произнес Савельев, – нет! Но вот если не перестанет пить, то к нему скоро прискачет веселая, пушистая «белочка», и дело закончится наркодиспансером.

Забрав ноутбук, который Стас спрятал под пиджак, и рассовав по карманам диски, они вышли на улицу, где под пристальными взглядами полицейских сели в «Жигули» и уехали.

– Да-а-а, сломался мужик! – презрительно произнес Савельев. – Видно, жизнь его раньше по маковке не прикладывала.

Когда они были на полпути к Москве, Гурову позвонил Орлов:

– Лева, у меня не очень хорошие новости. Мне только что сообщили, что приказом Плюшкина тебя и Крячко вывели из состава рабочей группы за несанкционированную им деятельность, а вместо вас включили Шатрова и Богданова. Что вы уже натворить успели?

– Петр, мы всего лишь съездили к Владыкину – это один из совладельцев фирмы, чтобы с ним поговорить. Но он ушел в запой, и сколько мы ни старались, он даже «агу» связно сказать не смог, – бестрепетно соврал Гуров.

Отключив телефон, он сообщил о замене, и Савельев хмыкнул:

– Кажется, мой счет к Плюшкину растет прямо-таки в геометрической прогрессии.

Вернувшись в Москву, они поставили вариться пельмени – очень хотелось есть. Им предстоял долгий, переходящий в ночь вечер напряженной работы, о чем они тут же предупредили своих жен – чего женщин зря нервировать, им с ними и так трудно приходится.

Поужинав, заварили себе по большому бокалу крепкого сладкого чая и распределили обязанности: Лев читал лежавшие в дипломате документы, Степан копался в ноутбуке Ильи, а Стас просматривал его же диски с рабочими материалами на компьютере Савельева. Они договорились друг друга от дела не отрывать, а отмечать то, что покажется перспективным, чтобы потом всем вместе посмотреть и обсудить. Конечно, Гуров предпочел бы сделать все сам, но понимал, что сил, по крайней мере сейчас, у него на это не хватит, и решил, что потом все посмотрит. Разойдясь по разным комнатам, чтобы не мешать друг другу, они приступили к работе.

Среда. Утро

Крячко уснул в компьютерном кресле – он просто, как ему показалось, на минутку прикрыл глаза, а вот открыть их уже не смог. Гуров уснул, положив голову на руки, а их – на бумаги. Мало того что они провели ночь в ненормальных условиях, так еще и пробуждение их радостным не было. Ну какая может быть радость от раздавшегося из кабинета, где работал Степан, шквала отборного мата. Натыкаясь на мебель, Лев и Стас бросились туда.

– Полюбуйтесь! – гневно произнес Савельев и, поколдовав над ноутбуком Владыкина, вывел на экран изображение. – Это сегодня в утренней новостной программе прошло. Я как проснулся, решил посмотреть, что в мире нового, и нате вам!

Это было совсем короткое интервью, взятое у генерала Плюшкина, но вот ЧТО он говорил!

«Теперь можно со всей уверенностью утверждать, что страшная трагедия, которая произошла в развлекательном центре «Тридевятое царство» и вызвала столько жертв, была на самом деле терактом, который совершили окопавшиеся в нашей стране исламисты. Мы считаем, что с их стороны это месть России за то, что наша армия приняла самое активное и очень успешное участие в урегулировании конфликта в Сирии. Нами разработан план оперативных мероприятий, который обязательно выведет нас на преступников, являющихся, скорее всего, уроженцами Северного Кавказа или Средней Азии. Как вы понимаете, я не имею права посвящать посторонних во все подробности нашего расследования, но обещаю, что мы будем постоянно держать телезрителей и широкую общественность в курсе событий. Естественно, в рамках дозволенного».

– Он что, охренел? – заорал Крячко. – Ладно бы в узком кругу, на рабочем совещании нес эту чушь, но на всю страну!..

Гуров тоже выразился очень живописно и в тему.

– Наши планы на день? – поинтересовался Степан.

– Для начала крепкий чай, а то я еще плохо соображаю, – попросил Лев. – Потом обменяемся новостями – кто что накопал, и по домам, чтобы в порядок себя привести. Ну а дальше – в бой!

Пока Савельев возился с чаем, Стас сказал:

– На тех дисках, что я успел посмотреть, – планы отдельных строений, общий план Центра со всем, что там есть, различные сметы, одним словом, документация по строительству, и ничего больше. Может, на других что найдется?

– Ну а я вообще зря документы читал, – вздохнул Гуров. – Все надеялся, вдруг там хоть что-то полезное найдется, так нет! Кроме списков погибших и раненых – ничего! Эти деятели по известной схеме работают – чем больше бумаг, тем глубже начальство должно проникнуться, с каким рвением они трудились в поте лица.

– Я нашел главное: это схема павильона, на которой указано, где что стояло, в том числе и столики, и перечень организаций, куда и в каком количестве отправлялись билеты, – доложил Степан и жестом фокусника достал, словно из воздуха, три файла. – Вот! Каждому по экземпляру!

Гуров просмотрел свой и только головой покачал:

– Да уж! Знали ребятишки, как и перед кем прогнуться!

– Ты лучше вот сюда посмотри, – ткнул пальцем в список Крячко. – Шатунову отдали пять билетов, и явно не для него самого, видимо, для «крыши», раз уж сам начальник службы безопасности взялся собственноручно их вручить. И может быть, кого-то из этих бандюков ты и вытащил тогда.

Гуров отмахнулся – разберемся, мол, а Савельев продолжил:

– А еще я вчера парней озадачил поисками Ларисы Артамоновой, Ольги Васильевны Пономаревой, Любови Светловой и Владимира Шатунова – с ним будет легче, потому что есть его номера телефонов.

– А зачем нам ждать его адрес, если можно позвонить прямо сейчас? – заметил Гуров и, поставив сотовый на громкую связь, набрал номер. Когда тот ответил, он представился и сказал: – Владимир, как бы нам с вами встретиться – есть кое-какие вопросы по охране развлекательного центра.

– Встретиться не получится, я за границей, – ответил Шатунов.

Савельев тут же сделал брови домиком и, отойдя в сторону, кому-то позвонил и что-то тихо сказал – видимо, велел засечь, где Шатунов находится.

– Вы-то чего сбежали? – удивился Лев.

– Так в России сначала хватают всех без разбора, а уже потом начинают разбираться, кто в чем виноват и виноват ли вообще. Лучше уж я здесь отсижусь, пока ясность не появится.

– Но поговорить-то мы можем?

– Не возражаю, – согласился Владимир. – Что вас интересует?

– Ваша непосредственная работа, то есть охрана строившегося Центра. Была ли у посторонних людей возможность проникать на объект, на каком этапе строительства, и так далее?

– Нет! – уверенно ответил Шатунов. – Когда готовилась площадка под строительство, рабочие охраняли технику своими силами. А потом мы первым делом выстроили по периметру стену, высокую и надежную, потому что стройматериалы бешеных денег стоили, и охотники на них нашлись бы. Так что попасть на территорию можно было только через основные и запасные ворота, а там тогда уже наша охрана стояла и постороннего бы не пропустила.

– Не будьте так уверены, – возразил Гуров. – У меня есть абсолютно точные сведения, что посторонний на территории был, причем неоднократно. Так что подумайте хорошенько, как это могло произойти.

В телефоне повисло молчание – затем Шатунов с сомнением в голосе произнес:

– Если вы говорите, что у вас точные сведения, то тогда только через очистные.

– Не понял, какие очистные? – насторожился Гуров.

– Видите ли, без воды Центр существовать не может, пришлось тратиться и подсоединяться к общему водоводу, и обошлось это в копеечку. Вот хозяева и подсчитали, что дешевле будет построить свои очистные сооружения, чем тянуть трубу к магистральной линии. В Центре ведь и водопад, и фонтаны, и пекарня, и пруд – мы хотели давать детям напрокат радиоуправляемые кораблики, и конюшню планировали со временем открыть, чтобы дети верхом кататься могли, так что отвод воды требовался. Там за Центром речка есть, туда и вывели, но очистные все равно на нашей территории, чтобы под присмотром были. На трубе, конечно, решетка с замком, но если его открыть, то проползти по ней можно, диаметр позволяет.

– Сколько ключей от этого замка? – тут же спросил Лев.

– Было пять, осталось четыре. Один утонул. Действительно утонул, – повторил Владимир, решив, что ему могут не поверить. – В марте, когда очистные монтировать заканчивали, одного парнишку послали трубу, что к речке выходит, специальным составом сверху покрыть, чтобы не ржавела. Так он не только в воду свалился – весна-то в этом году ранняя была, но еще и ногу себе серьезно разодрал. Ума не приложу, где он умудрился тот заусенец найти, вроде край трубы нормально зачистили. Тогда-то он ключ и утопил. Орал как резаный! Хорошо, люди недалеко были, услышали, пришли и вытащили его. Вызвали «Скорую», а та его в районную больницу отвезла. Я как узнал, тут же на место выехал, а потом в больницу. И что вы думаете? Он же, блин, москвичом оказался! – не выдержав, яростно воскликнул Шатунов. – И прописка! И медицинская страховка! Вот откуда он взялся? Меня же заверили, что там все приезжие и без оформления работают, а с ними просто – дал денег, и все! А тут в приемном все, как положено, оформили – производственная травма, страховой случай! А это такой

геморрой! Нам это надо? Пошел я к мальчишке, стал его уговаривать, чтобы он не настаивал на производственной травме, пообещал ему, что после выздоровления мы его к себе на работу возьмем, сначала в офис, а потом в Центр! Он так обрадовался, что в сказку попадет, тут же согласился! Ну, с врачами я договорился, заплатил, само собой, и переделали ему производственную травму на бытовую.

– И как, взяли к себе на работу? – стараясь казаться невозмутимым, спросил Гуров.

– Ну да! Курьером – не самим же постоянно в Центр мотаться, чтобы бумажку какую-нибудь отвезти. Звали его Борькой, а вот фамилию не помню. Да это в кадрах легко узнать.

– У меня еще один вопрос: для кого вы взяли пять билетов?

– Извините, но это я обсуждать не хочу и не буду, – твердо произнес Владимир, и Крячко значительно поднял палец – прав, мол, я был.

– Ну, на нет и суда нет. Спасибо за информацию. Не исключено, что еще раз придется вас побеспокоить, – предупредил Гуров и, отключив телефон, тяжелым взглядом посмотрел на Крячко: – Значит, план Центра со всем, что там находится, ты видел! А пояснения к нему ты читал? – Стас виновато потупился, а Лев пробормотал: – Если хочешь что-то сделать хорошо… – Продолжать он не стал, но и так было все понятно.

– Лев Иванович! Не лютуйте! – вмешался Степан. – Все раскроем, всех найдем, никто от нас никуда не денется! Но неужели вы думаете, что Борис ради ключа специально себе ногу поранил?

– Я пока ничего не думаю! – раздраженно ответил Гуров. – Ключ у него был? Был! Курьером он потом в офисе работал? Работал! В Центр постоянно ездил? Ездил! Доступ к билетам имел? Имел!

– Ладно! Я прямо сейчас ребят к этим очистным отправлю, пусть осмотрятся – вдруг чего интересного найдут? И в больницу они заедут, чтобы насчет этого Бориса поговорить, – пообещал Савельев. – И еще. Врал Шатунов, что он за границей! В Подмосковье он! И адресок его мы вычислили. Так что, если понадобится, возьмем его «тепленьким» для дальнейшего использования в следственных целях. Кстати, адреса Артамоновой, Пономаревой и Светловой установлены.

– Так! От Пономаревой нам нужно все, что есть на курьера Бориса. Светлова работает секретаршей, а курьеры обычно в приемной и трутся, так что она о нем тоже много может знать. Но главное – Артамонова. Она непосредственно занималась рассылкой билетов и вполне могла написать в отчете, что отправила двадцать, а по факту оказалось, что люди получили, например, восемнадцать. Вот только как мы, не имея теперь никаких полномочий, будем посылать запросы, чтобы выяснить, сколько билетов реально до места дошло, и кто конкретно их получил, я не знаю.

– Мне бы ваши заботы, Лев Иванович, – улыбнулся Степан и пообещал: – Решим! Не проблема!

– Тогда давайте разделимся прямо сейчас, – предложил Лев. – Стас возьмет на себя Пономареву и Светлову, я – Артамонову, а ты, Степа, будешь заниматься арифметикой: сколько из одной трубы вылилось и сколько в другую попало. Давай нам адреса и телефоны! Будем на связи, а вечером соберемся здесь.

Дома Гуров после прохладного душа испытал два чувства: первое, прилив бодрости, его порадовало, а вот второе – не очень. У него ныл левый бок – это проснулась его поджелудочная, в чем он был сам виноват – нечего было пельмени жрать! В кухне он открыл холодильник и стал рассматривать его содержимое – зрелище было малоутешительное, и он попросил:

– Машенька, мне бы чего-нибудь полегче.

– Опять! – всплеснув руками, вздохнула она. – Горе ты мое! Выпей таблетку, а я тебе пока манную кашу сварю. А потом ты чай с сухариками попьешь.

– Самая пища для здорового мужика! – хмыкнул Лев.

– К сожалению, Левушка, нездорового, – поправила его Мария.

Съев свой «детсадовский» завтрак, Гуров вышел из дома и уже только из машины позвонил Артамоновой – сделай он это дома, жена бы не только сама извелась, но и его вопросами извела – о ее ревности можно было поэмы слагать. Сотовый телефон Ларисы был вне зоны, а по домашнему ему ответил немолодой женский голос. Лев представился и объяснил, что хотел бы задать Ларисе несколько вопросов.

– Ее нет дома, – резко ответила ему женщина и повесила трубку.

«Да дома она, только выходить боится, – понял Гуров. – Хотя, после того что наплел по телевизору Плюшкин, ей уже опасаться нечего». Он поехал к дому Ларисы, поднялся к квартире и позвонил. За дверью раздались чьи-то шаги, было видно, что в глазок кто-то посмотрел, но ничего не спросил.

– Я знаю, что вы дома, – я только что звонил вам по телефону. Повторяю еще раз: мне просто нужно задать Ларисе несколько вопросов. Если вы не откроете дверь, то у меня будет только один выход: я вызову вашего участкового, наряд полиции, слесаря, понятых, и мы вскроем дверь. После этого вашу дочь посадят в полицейскую машину, и мы с ней будем беседовать уже в отделении. – Дверь распахнулась, и на пороге появилась невысокая худая женщина со скалкой. – А вот кухонную утварь лучше убрать – за нападение на сотрудника полиции при исполнении дают очень солидные сроки.

– Удостоверение покажите! – потребовала женщина, и Лев его предъявил. – Ладно! – сказала она и крикнула: – Ларка! Иди сюда! – Потом снова повернулась к нему: – В зал проходите. – Он прошел, а мать раздраженно позвала: – Ну, где ты там? – Заглянув в другую комнату, она выволокла оттуда упирающуюся дочь, а потом, толкнув в спину, направила ее к Гурову.

Девушка села в кресло, мать – на его подлокотник, и обе с испугом смотрели на него.

– Не надо меня бояться, – миролюбиво попросил Лев. – В моих вопросах нет ничего страшного. Итак, что я знаю. Лариса, в вашей собственной типографии были отпечатаны три тысячи пригласительных билетов на субботу и воскресенье, которые положили в сейф Юрия Мелентьева. Никаких неучтенных, бракованных и так далее не было. Был составлен перечень организаций, куда хозяева собирались отправить эти билеты, и определено количество, куда сколько. Теперь вопрос, соответствует ли количество указанных в перечне билетов тому, которое вы реально отправляли в организации.

– Да! – не задумываясь, ответила Лариса, но Лев видел, как она напряглась.

– Милая девушка! Я старше вас больше чем вдвое и допросил за свою жизнь очень много самых разных людей, поэтому фальшь чувствую мгновенно. Поймите, от вашего честного ответа зависит сейчас очень многое, поэтому прошу вас, будьте откровенны. Не хочу вас пугать, но в Уголовном кодексе России есть статья 294 «Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования», есть в ней пункт 2, наказание по которому – от довольно крупного штрафа до шести месяцев ареста. Итак, если вы не помните вопроса, я его повторю.

– А я вам повторю свой ответ, – упрямо твердила девушка.

– Хорошо, перейдем к другому. Билеты хранились в сейфе Мелентьева. Какими порциями он выдавал вам их для отправки в организации?

– В некоторые организации он отвозил билеты сам, а в те, что попроще, – наш курьер, – несколько расслабившись, начала рассказывать она. – Юрий сам компоновал пакеты – билеты же были на разные дни и разное время, и делал так, чтобы Борька, это наш курьер, за один раз мог доставить билеты в несколько мест. Потом он отдавал их мне и велел, чтобы я для учета переписывала номера билетов, после чего я их красиво упаковывала, запечатывала и передавала курьеру.

– Лариса, мы обязательно сверим указанное в этом перечне количество билетов с тем, которое получили в организациях. И если окажется, что данные не совпадут, будет уже поздно что-то объяснять, – внимательно глядя на нее, предупредил Лев. – А теперь ответьте, пожалуйста, на первый мой вопрос: сколько билетов не хватает?

– Одного, – прошептала она и вдруг заплакала: – Это 12 мая было. Сама не знаю, как получилось. Юрий мне выдал очередную порцию, я половину работы сделала, а потом мы с девчонками пошли покурить. Когда я вернулась, все было нормально, а под конец оказалось, что одного билета нет.

– Вы их оставляли на столе?

– Да вы что! – У нее даже слезы высохли. – Меня бы за такое шеф прибил! А вдруг их кто-то чем-то нечаянно испачкает? Они же дрожали над ними, как не знаю над чем! Я их в стол положила.

– Вы его заперли?

– Нет, у нас никогда ничего не пропадает!

– А не мог кто-то из ваших коллег взять билет для себя?

– Зачем? – воскликнула Лариса. – Нам Григорий пообещал, что в первый же санитарный день в Центре вывезет нас всех туда вместе с семьями, чтобы мы могли от души оторваться! Зачем кому-то из нас эта куцая экскурсия? Я же сама ее программу писала! Там и половины увидеть было нельзя, но мне сказали, чтобы я рассчитала по два часа на одну группу, и все.

– Когда вы вышли из комнаты, там кто-нибудь оставался?

– Нет, мы с Надей вместе на перекур уходим, а больше с нами никто не сидит.

– И долго вас в тот день не было на месте?

– Ну, мы потом еще кофе в кухне попили, – потупившись, ответила Лариса.

– Мне не интересно, что вы делали, я спросил: сколько времени вас не было? – теряя терпение, повторил свой вопрос Лев.

– Ну, где-то полчаса, минут сорок, – отвернувшись, пробормотала она.

– И все это время комната стояла открытая?

– Нет, мы дверь закрыли, но запирать не стали – у нас же…

– Уже слышал! Никогда ничего не пропадает! – раздраженно сказал Гуров. – Вы этот билет искали?

– А вы как думаете? – нервно рассмеялась девушка. – Я в тот день в офисе ночевала, все документы на всех и во всех столах по листочку пересмотрела, все мусорные корзины перерыла – не было его!

– Посторонние в тот день в офисе были?

– Да мы и дверь-то входную в то время изнутри запирали, чтобы нам никто не мешал, потому что люди толпами шли, чтобы как-нибудь билетик достать, а мы на ушах стояли – к открытию готовились.

– Среди коллег у вас есть недоброжелатели? – Она помотала головой. – Итак, посторонних не было, врагов, которые хотели бы вас подставить, тоже. А вдруг кто-то из ваших коллег потихоньку взял билет, чтобы подарить, например, кому-то?

– Зачем? Мы еще не раскрутились с рекламными роликами, а продажа через Интернет уже началась, так что мы сколько хотели, столько и набрали себе билетов в подарок друзьям и родственникам.

– То есть коллектив у вас сплоченный, работаете все вместе давно…

– Так почти все друг другу родственники! Пономарева – теща Аникина, Светлова – племянница жены Калачева и так далее. Там посторонних всего два человека: я и бухгалтер Нина. Нет, три, – поправилась она. – Еще курьер Борька, но он у нас совсем недавно появился.

– И откуда же он взялся, если никому не родственник?

– Да он на стройке работал и ногу себе сильно поранил. А как из больницы вышел два месяца назад, его временно к нам взяли. Сначала он на нашей разгонной машине на стройку всякие бумаги и пакеты отвозил, а потом вот билеты по городу. После того как Центр откроется, его собирались обратно вернуть, уж не знаю кем.

– А что он собой представляет?

– Зашуганный он какой-то. Может, из-за того, что хромает, а может, по жизни такой. Придет тихонько, возьмет, что надо, и уйдет. Я так думаю, пожалел его Шатунов, как убогих жалеют, вот он к нам и прибился.

– А теперь, Лариса, запоминайте, что мне от вас, причем очень срочно, нужно. Первое. Вы напишете мне все организации в том порядке, в каком туда доставлялись пригласительные билеты. В такой-то день – такие-то, в другой – такие-то, и так далее. Второе. Отметите, куда Мелентьев сам отвозил билеты, а куда – Борис. Третье. Мне нужен номер пропавшего билета.

– У меня все на работе. Я ездила туда в понедельник, а там все опечатано. Постояли мы возле закрытых дверей, покурили, даже выпили на помин нашей фирмы и по домам разъехались.

– Все пришли? – затаив дыхание, уточнил Гуров.

Она подумала немного, а потом уверенно заявила:

– Кроме великолепной четверки – мы так хозяев зовем, – наши все были. – Она вдруг запнулась и добавила: – А вот Борьку я не видела. Точно! Не было его!

– Ладно! С офисом мы вопрос решим, – сказал Лев и позвонил Савельеву: – Степа! Если ты занят тем, что я тебе утром поручил, то бросай – нам это уже не надо. Важно другое: делай что хочешь, но офис должен быть совершенно официально открыт, причем срочно! Я привезу туда Артамонову, потому что все необходимые нам сведения – у нее.

– Понял! Немедленно займусь! – пообещал парень. – Думаю, в течение часа вопрос решим. А мои ребята носом землю роют, так что не волнуйтесь.

– Позвони Стасу и скажи, чтобы он Пономареву и Светлову в офис привез, а я с Ларисой сейчас тоже туда отправлюсь. Будем на месте разбираться. – Выключив телефон, Лев повернулся к девушке: – Срочно собирайтесь! Нам нужна ваша помощь.

Лариса собралась на удивление быстро, они спустились вниз, и она с неприкрытой жалостью посмотрела на машину Льва – надо же, полковник, а на такой развалюхе ездит! Поняв ее без слов, Гуров сказал:

– Я, Лариса, из вымирающего племени честных ментов! Взяток не беру!

Они ехали к офису, когда зазвонил сотовый Льва. Посмотрев, кто его беспокоит, он поморщился – это был Джафар Мусаевич Мирзоев, глава, как теперь принято называть, этнической преступной группировки. Отношения у Гурова с ним были сложные: с одной стороны, он сам кое в чем ему помог, а с другой – тот не остался в долгу и в трудную минуту не только спас его самого от смерти, но и Марию от похищения бандитами, да и в других случаях был ему очень полезен. Звонок этот оказался совсем не ко времени, но проигнорировать его было бы стратегически неверно – мало ли что в жизни еще случиться может? – и Гуров ответил.

– Здравствуйте, уважаемый Лев Иванович! – начал Мирзоев, причем обычная оживленность в его голосе напрочь отсутствовала. – Не найдется ли у вас немного времени, чтобы заехать ко мне? Дело очень, – выделил он, – важное!

– Мне сейчас не совсем удобно говорить, уважаемый, – сказал Лев. – Я сейчас занят очень серьезным делом и совсем не располагаю свободным временем. Не могли бы вы хотя бы вкратце описать мне проблему, чтобы я мог решить, насколько она важна?

– По телефону не могу, уважаемый Лев Иванович. Скажу только, что наша проблема очень тесно связана с вашим делом. Извините, но мы знаем, чем вы сейчас заняты, – обтекаемо говорил Мирзоев. – Поэтому и просим вас приехать, когда сможете, мы вас будем ждать столько, сколько нужно.

– «Мы» – это кто? – спросил Гуров.

– Это все! Люди оказали мне большую честь и собрались у меня.

А вот это было уже очень серьезно! И Гуров решил поехать!

– Уважаемый! Я сейчас завершу одно короткое дело и сразу приеду к вам, – пообещал он.

Лев ехал и ломал себе голову над тем, что же могло случиться у кавказцев. Он передал Степану Ларису с рук на руки и сказал:

– Это Лариса Артамонова. – А девушку попросил: – Расскажите этому человеку все, что вы раньше рассказали мне, а также сделайте то, о чем я вам говорил. Это очень важно! – Он снова обратился к Савельеву: – А я отъеду по одному делу. В случае чего, я на телефоне, только по пустякам не беспокой. Как все проблемы решу, сам свяжусь.

Среда. День. Она же – день первый

Возле ресторана «Мелхиста» улица была забита такими машинами, словно туда Парижская выставка автомобилей переехала. На их фоне его собственная выглядела до того убого, что плакать хотелось. Но Гуров утешил себя тем, что эти разъезжающие на дорогущих иномарках люди за помощью прибежали именно к нему, а не наоборот. Охраны возле входа было столько, что не протолкнуться, и, когда Гуров попробовал пройти, его остановили властным, «хозяйским» окриком:

– Ты куда прешь? Иди отсюда!

– Уже ушел, – усмехнулся Лев и направился к своей машине.

Но дойти до нее он не успел, потому что сзади раздался окрик Мирзоева:

– Уважаемый Лев Иванович! Подождите!

Оглянувшись, он увидел, что этот невысокий толстяк, задыхаясь и обливаясь потом, почти бежал к нему. Решив дожать ситуацию до конца, Гуров все-таки дошел до машины и даже дверцу открыл. И он действительно уехал бы, если бы не мысль о том, что проблема кавказцев может быть связана с трагедией в Центре. Лев остановился и стал ждать, но дверцу не закрыл, чтобы продемонстрировать свое недовольство. Джафар, добравшись до него, немного отдышался, а потом извиняющимся тоном проговорил:

– Уважаемый Лев Иванович! Я вас очень прошу! Простите этих глупых баранов! Просто они вас не знают! Пойдемте, пожалуйста, все вас ждут!

Якобы поколебавшись, Лев хлопнул дверцей, пискнул сигнализацией и пошел с Джафаром обратно.

Возле входа в ресторан уже шла крутая разборка. Какой-то среднего роста сухощавый мужчина с седой шевелюрой что-то гневно выговаривал охране, которая стояла понурившись, с самым виноватым видом и даже не решалась вытереть кровь с лиц. Когда Гуров подошел, мужчина повернулся к нему:

– Здравствуйте, уважаемый Лев Иванович! Я…

– Я вас узнал по голосу, уважаемый Салман Асланович, – перебив его, сказал Гуров и протянул ему руку, которую тот пожал двумя руками – знак очень большого уважения для тех, кто это понимает, а понимали это все стоявшие вокруг.

– У меня на хороших людей тоже очень хорошая память, – сверкнув белоснежными и острыми, как у волка, зубами, ответил ему Салман. – Не сердитесь на этих дураков! Они еще молодые! Глупые! Думают, что важный человек должен только на большой, дорогой и красивой машине ездить! А такой человек ездит на том, на чем хочет! И имеет на это право!

За этим разговором они вошли внутрь и повернули к большому залу. Все столики, располагавшиеся раньше по отдельности, были теперь составлены вместе, и получился один длинный стол, в торце которого были три свободных места – видимо, два из них занимали Салман с Джафаром, а третье предназначалось для него. Оглядев присутствовавших, Гуров увидел как знакомые, так и незнакомые лица, причем там были представители не только Северного Кавказа, но и Средней Азии. «Да, – подумал он, – проблема действительно серьезная, если они все вместе собрались ради встречи со мной». Как он и ожидал, ему предназначался стул в торце стола, причем в середине – куда уж почетнее? А уж что стояло на самом столе! Гуров даже смотреть туда боялся – слюной можно было захлебнуться. Когда он сел, оставшийся стоять Мирзоев торжественно заговорил:

– Друзья! У нас в гостях полковник полиции Лев Иванович Гуров! Он очень умный человек, и мы очень надеемся, что он поможет решить нашу проблему. А сейчас угощайтесь, дорогие!

Джафар сел, а Лев, обращаясь ко всем, сказал:

– Господа! Я уважаю ваши традиции и обычаи! Я знаю, что считается неприличным переходить сразу к делу, а нужно сначала поговорить о родных, о бизнесе, о погоде, отведать приготовленное хозяйкой угощение. Извините, но у меня нет для этого времени. К тому же все, что стоит на этом столе, мне просто нельзя есть. Я очень надеюсь, что никто из вас не знает, как болит поджелудочная железа, и желаю всем вам, чтобы вы никогда этого не испытали. – В полной тишине Лев оторвал кусок лаваша, съел его, запив водой, продолжил: – Уважаемые! Я преломил с вами хлеб. А теперь давайте поговорим о вашей проблеме. Кого-то из вас я знаю хотя бы в лицо, кто-то мне совсем незнаком, но, раз вы все здесь собрались, я уже понял, что она достаточно серьезная. Я слушаю вас.

Все сидевшие за столом переглянулись, и в их взглядах читалось одобрение и понимание – Гуров повел себя по отношению к ним очень уважительно. Откашлявшись, слово взял Салман:

– Уважаемый Лев Иванович! Вы знаете человека по кличке Зубр?

Вот это был удар! Зубра по-настоящему звали Анатолий Андреевич Кабанов, а кличку свою он получил потому, что у него была очень короткая шея, и ему приходилось поворачиваться всем туловищем. Сейчас он был главой всего уголовного мира России. Должность это была выборная, и Зубр торил к ней дорогу отнюдь не дипломатическими методами. Гуров столкнулся с ним еще в молодости, и своей, и его, но и тогда уже было ясно, что у молодого уголовника выдающиеся задатки, причем со знаком минус, что в полной мере подтвердилось в дальнейшем.

– Скажем так, мы пересекались, но очень давно, однако я никогда не терял его из виду, да и он, думаю, обо мне слышал, – ответил Лев.

– В той трагедии, что произошла в развлекательном Центре, пострадали его близкие: мужчина, его жена и двое детей, – продолжил Салман. – Хвала Аллаху, они все живы, но мужчине отрезали ногу, женщина была тяжело ранена и потеряла ребенка, а девочки совсем плохие. Они хоть и не маленькие, но больше не могут разговаривать, всего боятся и постоянно плачут. Зубр говорил, что это его племянник, но мы думаем, что сын. Сегодня по телевизору один генерал сказал, что это был теракт, а совершили его исламисты, которые приехали с Кавказа или из Средней Азии. Поэтому Зубр позвонил мне и пригрозил, чтобы мы через неделю выдали ему тех, кто это сделал, иначе будет большая война! – Салман очень старался оставаться спокойным, но с каждым словом это получалось у него все хуже и хуже. – Уважаемый Лев Иванович! Клянусь Аллахом! – почти прорычал он. – Если бы такое произошло с моими родными, я бы тоже мстил! Но я бы мстил именно тем, кто действительно виноват! Но он не хочет ничего слушать!

Как только прозвучало слово «война», Гуров уперся локтем в стол и закрыл лицо рукой – его трясло, и, если бы рядом с ним сейчас оказался Плюшкин, он задушил бы его собственными руками.

– Уважаемый Лев Иванович, вам плохо? – с тревогой спросил Мирзоев, и за столом воцарилась мертвая тишина.

Лев помотал головой, перевел дух, налил себе в бокал воды и залпом выпил. Посмотрев по сторонам, он увидел возле одного из мужчин сигареты и знаком попросил, чтобы их передали ему, что было мгновенно сделано. Он закурил, немного успокоился и поинтересовался:

– Что-то еще?

– Он уже из провинции людей подтягивает, – добавил кто-то из сидевших за столом. – Мы свои семьи на родину отправляем, здесь только мужчины остаются.

– Война никому не нужна! – сказал еще кто-то. – Мы здесь давно живем, ведем свой бизнес, наши дети ходят в школы и институты, наши женщины завели себе подруг и радуются жизни, а теперь все это рухнет из-за каких-то шакалов!

– Уважаемый Лев Иванович! Мы разделяем горе Зубра и понимаем его. Но никто из наших людей этого не совершал! – твердо заявил Мирзоев. – Мы в них уверены! Но все равно всех до единого проверим!

Лев и так знал, что кавказцы, или, как их принято называть среди уголовников, «черные», здесь ни при чем, однако заметил:

– Но есть еще неорганизованные одиночки, которые вам не подчиняются.

– Всех найдем, дорогой! Всех! Поштучно переберем! На свет посмотрим! В душу заглянем! И если этого шакала найдем, своими руками Зубру отдадим, – отчаянно жестикулируя, горячился кто-то из гостей.

– Я так и не понял, что же вы от меня хотите? – спросил Гуров.

– Неделя, уважаемый Лев Иванович, – выразительно проговорил Мирзоев.

– То есть вы хотите, чтобы я поговорил с Зубром и убедил его дать вам больше времени? – уточнил Лев.

– Уважаемый Лев Иванович! Серьезные люди к вашему мнению очень прислушиваются, – объяснил Джафар.

– Ну, что ж, давайте попробуем, – согласился Гуров. – У кого из вас есть телефон Зубра?

Салман тут же достал свой сотовый и набрал номер, а Лев попросил его:

– На громкую связь поставьте.

Не успел он это сказать, как все гости, вскочив из-за стола и уронив стулья, бросились к нему и окружили, чтобы не пропустить ни слова. Раздались гудки, а потом послышался низкий хриплый голос:

– Что, Салман, уже нашел террориста? Или ты мне кого-нибудь «левого» хочешь подсунуть? Так ты учти, что я с ним сам разговаривать буду и правду все равно узнаю.

– Это Гуров, – сказал Лев.

– Ба! Да ты, я смотрю, с «черными» так скорешился, что они к тебе за защитой кинулись? – рассмеялся Зубр.

– Не хами! Тем более что должок за тобой, – спокойно ответил Гуров. – Или тебе не доложили, что это я тогда в Центре помог твоим парням внутрь пройти, а потом и твоих близких нашел.

– У меня так не бывает, – сразу посерьезнел Зубр. – Я все знаю и долг признаю. Чего ты хочешь?

– Первое, чтобы ты меня выслушал и не орал, – начал Лев. – Это не был теракт.

– Погоди! – воскликнул Зубр. – Тот генерал по телевизору сказал…

– Он свои звезды на паркете получил, а я – старый сыщик и знаю, что говорю.

– Отвечаешь? – с угрозой спросил тот.

– А когда-то было иначе? – спокойно парировал Гуров.

– Так что же это было?

– Покушение на убийство одного человека или группы лиц. Чистая 105-я.

– Моих? – внезапно севшим голосом спросил Зубр.

– Пока не знаю, а когда не знаю, молчу.

– По поводу того, кто это сделал, у тебя какие-нибудь соображения есть?

– В подробности я тебя посвящать не буду, но с полным основанием говорю, что ни в какую группировку он не входит, более того и скорее всего – он русский.

– А то нет русских, которые на сторону террористов перешли! – возразил Зубр.

– Есть, – согласился Гуров. – Но рассуди сам: Салману Аслановичу и его коллегам эта трагедия невыгодна ни с какой стороны – сам знаешь: там, где живут, не гадят, а у них тут и бизнес, и семьи. За своих людей они ручаются, но все равно проверят, а неподконтрольных им одиночек просеют через мелкое сито. – Стоявшие вокруг него люди тут же активно закивали головами. – Так что ты, Зубр, зря людей не нервируй, а дай им работать спокойно.

– А ты, как я понимаю, эту сволочь ищешь?

– И можешь не сомневаться, что найду.

– Ну, тогда я тебе неделю сроку даю, – рассмеялся Зубр. – А не найдешь, так в том, что потом случится, уже твоя вина будет.

– Ты мне не начальство, чтобы сроки устанавливать! – отрезал Лев. – И угрожать мне тоже не надо! Когда я вас боялся? И вообще, мы с тобой разговор не по делу ведем. Давай по существу. Ну, первое мы с тобой обсудили, а теперь второе. Мне с твоим племянником поговорить надо.

– Это еще зачем? – насторожился Зубр.

– Пойми, он единственный, кто там тогда не растерялся, а смог свою семью спасти. Пусть они и не все здоровы, но ведь живы же, а это главное. А раз он вовремя сориентировался, что и как нужно делать, то реакция у него хорошая. Будем надеяться, что наблюдательность тоже. А мне для дела очень важно знать последовательность того, что и за чем в павильоне происходило.

– Ладно, – подумав, согласился Зубр. – Подъезжай завтра в двенадцать в частную клинику на Грибова, я предупрежу. И мое последнее слово, Гуров. Десять дней тебе сроку! Учти, что сегодня уже первый! И любая, даже невозможная помощь. Но если не найдешь, пеняй на себя, об остальном я и не говорю, – заявил он и отключил телефон.

Стоявшие вокруг Гурова мужчины перевели дыхание и немного расслабились, а он поднялся и сказал:

– Ну, вы все слышали, так что выводы делайте сами. И одиночек своих действительно потрясите, а то вдруг я ошибся, и это кто-то из них? – В ответ Мирзоев только возмущенно всплеснул руками, давая понять, что Лев не ошибается никогда. – Все когда-то бывает впервые, уважаемый Джафар Мусаевич, – ответил ему на это Гуров. – А еще попридержите своих джигитов, чтобы они сами никого ни на что не спровоцировали – эту передачу по телевизору не только вы видели, но и вся страна, вот и нечего гусей дразнить.

– Уважаемый Лев Иванович! – Салман чуть поклонился ему, прижав руку к груди. – У вас будет много тяжелой работы, и мы хотим взять на себя ее часть. Что бы вам ни потребовалось, мы все узнаем, из-под земли достанем или сделаем. Только скажите, что именно вам надо.

– Спасибо, уважаемый Салман Асланович, может быть, мне и потребуется помощь, – не стал отказываться Гуров – кто знает, какие еще сюрпризы ему приготовила межведомственная рабочая группа в лице генерала Плюшкина?

Мирзоев тоже не остался в стороне и осторожно сказал:

– Уважаемый Лев Иванович! Вы моих мальчиков уже в лицо знаете, так, может, они поездят за вами туда-сюда? А то мало ли что, Москва такой неспокойный город!

С трудом удержавшись, чтобы не хмыкнуть, Гуров и с этим согласился – он видел Мирзоева насквозь и ни секунды не сомневался, что эти парни, конечно же, будут его охраной и в случае необходимости кому угодно горло за него порвут, но Джафар преследовал при этом и другие цели. Во-первых, и это было основным, он хотел быть ежеминутно в курсе событий, а во-вторых, просто показать всем, насколько он близок к такому известному в определенных кругах человеку, как Гуров, и этим повысить свой авторитет в глазах остальных. Гуров стал прощаться, а Джафар, горестно качая головой, расстроенно заметил:

– Вы так ничего и не съели, уважаемый Лев Иванович!

– И рад бы, да нельзя! – развел руками Гуров.

До машины его провожали Мирзоев и Салман, а стоявшие возле дверей охранники только почтительно поклонились. Едва отъехав от ресторана, уже в сопровождении джипа своей охраны, Лев позвонил жене:

– Маша, ты где?

– Почти вышла из театра и собралась домой ехать, а что? – весело ответила она – видно, у нее было хорошее настроение.

– Мне сейчас некогда тебе все в подробностях объяснять, поэтому слушай и запоминай сразу: ни-ку-да из театра не выходи! Сиди там и жди меня! Хоть до вечера! Хоть до утра! Но чтобы носу на улицу не высовывала! Даже если тебе позвонят и скажут, что меня убили и тебе требуется опознать мой труп. Кто бы ни пытался выманить тебя на улицу, не выходи!

– Лева, что случилось? – дрожащим голосом спросила она.

– Маша, тебя уже похищали, и ты знаешь, что это такое. Но в этот раз ты можешь попасть в руки такого человека, от которого живой уже не выберешься. И поверь, я знаю, что говорю!

– Хорошо, Лева, я даже в гримерке запрусь. – Мария балансировала уже на грани истерики.

– Это будет надежнее всего, и не открывай дверь никому, кроме меня. Поняла? Ни-ко-му!

Поговорив с женой, Гуров позвонил Александрову:

– Олег Михайлович! Мне нужно срочно с вами поговорить – это очень важно!

– Хорошо, приезжайте. Я жду вас. Охрана будет предупреждена, – несколько озадаченный его напором, ответил тот.

Бросив машину на стоянке возле Администрации президента, Гуров почти бегом направился внутрь, а потом через ступеньки наверх. Увидев его, Александров сказал:

– Лев Иванович, у вас очень встревоженный вид.

– Простите за вольность, Олег Михайлович, но у вас сейчас будет такой же, – многозначительно произнес Гуров.

– Присаживайтесь и рассказывайте.

– Извините, но у меня такие новости, что на месте не сидится, – отказался Лев и спросил: – Скажите, пожалуйста, это вы санкционировали выступление генерала Плюшкина сегодня по телевизору в утренней новостной программе?

– Конечно, нет, – поморщился тот. – Когда мне об этом доложили, я принял меры для того, чтобы этот материал больше не повторялся ни на одном из каналов.

– Поздно! – выразительно сказал Лев, с трудом удержавшись, чтобы не выругаться, и, расхаживая по кабинету, рассказал о том, что произошло.

– Да сядьте вы! – не выдержав его метаний, рявкнул Александров и, когда Гуров сел, уточнил: – Значит, столицу ждут криминальные разборки?

– Вы недооценили опасность ситуации. Просто вам никогда не приходилось выступать на этом ковре, а вот я на нем уже много лет кувыркаюсь! – заметил Лев. – Криминальные разборки – это когда кого-то из снайперской снимут, машину подорвут и тому подобное. Нас ждет полномасштабная война, со всеми вытекающими последствиями в виде сопутствующих жертв среди мирного населения! Девяностые, по сравнению с ней, покажутся компьютерной стрелялкой! Зубр подтягивает людей из провинции, кавказцы и выходцы из Средней Азии свои семьи на родину отправляют. Но!.. Обратными рейсами сюда отнюдь не ангелы с крылышками прилетят!

– Что мы можем этому противопоставить, кроме работы вашей группы? Учтите, любая мыслимая и немыслимая помощь будет вам оказана незамедлительно.

– Запретите, пожалуйста, Плюшкину делать какие-нибудь публичные заявления, а то неизвестно, что он в следующий раз ляпнет, – попросил Лев.

– Хорошо, что напомнили, – кивнул Александров и, нажав клавишу селектора, сказал: – Генерала Плюшкина ко мне! Немедленно! Можно без соблюдения политеса! И согласуйте приказ об отстранении его от руководства межведомственной рабочей группой по расследованию происшествия в развлекательном центре «Тридевятое царство», а также возбуждении в отношении его служебного расследования за превышение должностных полномочий.

– Олег Михайлович, если это возможно, не назначайте на его место полковника Шатрова – он того же поля ягода, – сказал Лев.

– А может быть, все-таки вас на его место?

– Нет, из меня получится плохой руководитель. Я привык работать сам, чтобы быть уверенным в каждом факте, слове, улике… Сегодня утром вот на Крячко сорвался за то, что тот просмотрел одну деталь, хотя и понимал, что день у нас был безумным, ночь бессонная, и он элементарно устал. Но ведь я бы этого не пропустил! И это Стас, опер от Бога, которому я верю, как себе! Как же я могу надеяться на тех, кто меня люто ненавидит? Они же, пусть и во вред делу, но заодно и мне, будут дурака валять или факты подтасовывать.

– А если мы поступим так: официальный руководитель группы – вы, а Крячко ваш заместитель, который контролирует исполнение ваших поручений?

Гуров изумленно посмотрел на него и невольно хмыкнул:

– И за что же вы так людей не любите, Олег Михайлович? Я человек не мстительный, но, если Крячко дорвется до власти, мало никому не покажется, он за все прошлые обиды на них отыграется.

– Значит, как я понял, вы согласны?

– При таком раскладе – да, – ответил Лев.

Александров отдал секретарю соответствующее распоряжение, а Гурову сказал:

– Приказ о вашем и Крячко назначении будет доведен до членов рабочей группы самое большее через час. А сейчас давайте вернемся к нашей проблеме. А что, если нам изъять Зубра?

– Олег Михайлович! Если эта изысканная формулировка означает его ликвидацию, то последствия будут тяжкими. Его убийство тут же повесят на кавказцев, и война начнется немедленно – такого не прощают. Если же вы подразумевали его задержание, то это нереально – не за что! Между ним и обычным криминалитетом такое расстояние, что мы при всем желании не сможем притянуть его ни к одному громкому делу. С таким же успехом можно задержать заведующую детским садом за то, что два малыша в песочнице совочек не поделили. Брать его на сорок восемь часов без всяких оснований, так его адвокаты – а я не сомневаюсь, что они у него самые ушлые из всех московских, – размажут нас по жизни тонким слоем, а журналюги – по газетным листам, типа: «Полиция окончательно ссучилась и легла под «черных». Так что нам остается только пахать как проклятым!

– Обычно этот процесс заканчивается для вас в больнице, у вас и сейчас уже очень нездоровый вид. Не стесняйтесь, говорите, что у вас случилось.

Вспомнив, как его всего двумя уколами поставили на ноги, когда у него случился жесточайший приступ радикулита, Гуров, поколебавшись, признался:

– Да поджелудочная! Для нее ведь что главное? Холод, голод, покой. Ну, горячее я давно не ем, но вот дробно питаться, следуя жесточайшей диете, при моей работе не получается, а уж покой нам только снится – от нервов уже и обрывков не осталось.

– Это дело поправимое, сегодня вам передадут лекарство, но вы уж все-таки постарайтесь нормально есть. А чем еще мы можем вам помочь?

– Понимаете, мне неудобно просить, но… Я должен быть спокоен за своих близких – они мое уязвимое место, моя болевая точка.

– Вы думаете, что Зубр может кого-то из них похитить, чтобы, скажем так, активизировать вашу работу в нужном для себя направлении? – недоверчиво спросил Александров, и Гуров кивнул. – Неужели он способен на такое в отношении полицейского вашего уровня?

– О-о-о! Поверьте мне на слово, он еще и не на такое способен!

– Что конкретно нужно сделать? – явно оценив серьезность ситуации, спросил Олег Михайлович.

– Мои родители живут под Херсоном в Крыму, а с тех пор, как он вошел в состав России, он автоматически попал под юрисдикцию Зубра, так что найти их там ему будет несложно.

– Пишите адрес, я распоряжусь, и за ними присмотрят, – сказал Александров и, получив листок с адресом, спросил: – Что еще?

– Моя жена, актриса Мария Строева, – она для него самая легкая добыча. Ее из-за моей службы уже не раз похищали, и мне не хотелось бы повторения пройденного. Она сейчас в театре и ждет меня. Конечно, я мог бы ее кое у кого спрятать, но если война… – Услышав это слово, Александров недовольно нахмурился, и Гуров повторил: – Да-да, Олег Михайлович! Давайте смотреть на вещи реально! Именно война начнется, это место не будет для нее безопасным.

– Хорошо, я вас понял, – покивал Александров и, нажав клавишу селектора, приказал: – Воронцова и Самойленко ко мне! Срочно! – Затем снова обратился к Гурову: – За всеми этими безрадостными новостями вы так и не рассказали мне, как продвигаются дела.

– По моему мнению, мы движемся в правильном направлении, и у нас уже есть подозреваемый, если, конечно, это не очень продуманная подстава. Но у меня нет последних данных, так что я не буду торопиться с выводами, – уклончиво ответил Лев. – Как бы там ни было, у нас впереди десять дней, и я сделаю все, что от меня зависит, чтобы предотвратить беду.

– Воронцов и Самойленко в приемной, – раздался голос секретаря.

– Пусть войдут, – разрешил Александров.

В кабинет вошли двое мужчин лет сорока, в хороших костюмах, белых рубашках, с подобранными в тон галстуками, и вопросительно посмотрели на начальство.

– Это сотрудники нашей службы безопасности, – сказал Александров и представил им сыщика: – Это полковник полиции Гуров. Сейчас его жена находится в театре. Ее нужно оттуда незаметно вывезти на объект номер три. Не беспокойтесь, Лев Иванович, ей там будет комфортно. А вы работайте! Я очень надеюсь на то, что проблема будет успешно и в срок решена.

Гуров ничего не ответил, только попрощался и вышел в сопровождении подчиненных Александрова. Как оказалось, в приемной между двумя мужчинами сидел ничего не понимавший Плюшкин, и секретарь, увидев, что Гуров и Воронцов с Самойленко выходят, доложил:

– Олег Михайлович, генерал Плюшкин в приемной.

И вдруг раздалось:

– Заводите!

Осев на стуле, Плюшкин мигом сдулся, как воздушный шарик, и посмотрел на Гурова ненавидящим взглядом. «Вот идиот! – подумал Лев. – Он думает, что я буду злорадствовать! Как будто у меня есть на это время и силы. Да у меня даже желания такого нет!»

Выработав план действий, Гуров и Воронцов с Самойленко поехали в театр на разных, естественно, машинах, но в сопровождении все того же джипа с кавказцами, которым было плевать, кто там рядом с Львом Ивановичем – раз хозяин приказал охранять, значит, будут охранять. Мужчины вошли в театр через парадный вход – еще бы им с их удостоверениями его не открыли, – а дальнейший путь Гуров им объяснил. Сам он прошел через служебный вход и направился прямо к гримуборной жены. И вот тут начались проблемы – Мария была запугана настолько, что не хотела открывать даже ему. Наконец, потеряв терпение, он заорал:

– Машка! Да ты откроешь или мне придется дверь вышибать?

И тут дверь открылась. Белая как мел, Мария стояла, сжимая в руках тяжелый подсвечник из реквизита, который она постоянно держала у себя, потому что он ей очень нравился. При виде мужа она выронила его из рук, бросилась Льву на шею и разрыдалась:

– Слава богу, это действительно ты, а я думала, кто-то чужой.

– Дожил! Жена мой голос после стольких лет семейной жизни не узнает, – попытался пошутить Гуров. – Все, Машенька! Все! Успокойся, это действительно я. – Заметив, как она с

подозрением смотрит на сопровождавших его мужчин, он объяснил: – Это сотрудники службы безопасности Администрации президента. Ты сейчас переоденешься и загримируешься так, чтобы тебя нельзя было узнать… Словом, ты лучше меня все знаешь. Потом выйдешь с ними, и они отвезут тебя в безопасное место, где, как меня заверили, тебе будет комфортно. Там и поживешь некоторое время.

– Но мои спектакли! – воскликнула Мария.

– Какие спектакли? – возмутился Лев. – Заменят тебя, вот и все! А ты будешь сидеть тихо как мышь! И не вздумай мне звонить ни на домашний, ни на сотовый, потому что они могут прослушиваться. Как только станет можно, ты вернешься домой.

– Но у меня же с собой ничего нет! – растерялась она.

– Я. Найду. Возможность. Передать. Тебе. Вещи, – уже окончательно теряя терпение, произнес он со зверским выражением лица.

– Но ты же не знаешь, что именно… – начала она, но, взглянув ему в глаза, поняла, что ей лучше замолчать.

– Преображайся! И быстро! – велел Лев.

Мужчины вышли в коридор, и Гуров, встретив их сочувственные взгляды, вздохнул:

– Никогда не женитесь на артистке! Лучше сразу мужественно застрелиться самому, чем потом сидеть за ее убийство.

Мария – что значит мастерство, которое, как известно, не пропьешь! – вышла из гримерки через пять минут, но это была уже не она. Светлый парик из длинных волос, большие темные очки, губы накрашены яркой помадой, пронзительно-желтая, опасно короткая кофточка в обтяжку была до последней грани приличия декольтирована и спереди, и сзади. Но главное – короткие кожаные шорты, открывавшие ее стройные ноги в черных колготках. Довершали наряд большая красная и явно клеенчатая сумка через плечо и нечто невообразимое на толстенной платформе и с множеством шнуровок на ногах. Мария медленно, открывая при этом рот, жевала жвачку, потом выдула пузырь, а когда он лопнул, вернула жвачку обратно и игривым тоном спросила:

– Чё, мальчики? Нравлюсь? Ну, куда девушку повезете? Девушка шампусик любит!

– Маша, это же из какого спектакля реквизит? – обалдело спросил Гуров.

– Можно подумать, что ты все мои спектакли знаешь, – своим нормальным голосом и очень язвительно ответила она и тут же вернулась в образ: – Чё стоим? Кого ждем? Девушка развлекаться хочет! Мальчики! За мной! – И пошла вперед длинным, медленным шагом от бедра, выписывая немыслимые пируэты, отчего кофточка то поднималась, то опускалась, открывая обнаженные части тела.

– Вы были не правы, товарищ полковник, – шепнул ему Воронцов. – Стреляться надо было еще на подступах к ней. А теперь у вас круглосуточно домашний театр.

– Цирк-шапито, блин! – не выдержал Гуров.

Мужчины поспешили за Марией, а он остался стоять, глядя им вслед, и что-то возмущенно, но бессвязно бормотал себе под нос, но не мог не отметить, какой титанический труд она приложила к своему преображению. Наконец он мысленно махнул на все рукой – не до этого сейчас, и так дел полно, главное, что жена будет в безопасности, и вернулся в свою машину, откуда позвонил Степану.

– Мы со Станиславом Васильевичем ждем вас в офисе, – сказал тот. – В свете того, что рассказала Артамонова, есть кое-что интересное, и от моих парней тоже. Кстати, тут один приказ прошел…

– Знаю, – перебил его Лев.

– А еще, говорят, второй…

– Тоже знаю. Сейчас приеду, и разберемся.

Приехав в офис, Лев увидел, что там не только Артамонова и Пономарева со Светловой, а вообще все, кроме руководства. В ответ на недоуменный взгляд Льва Степан ему тихонько объяснил, что Ольга Васильевна, как теща одного из совладельцев, временно и самолично возложив на себя обязанности начальства, вызвала на работу всех сотрудников – раз есть возможность обелить имя фирмы, надо ею воспользоваться.

– Что по курьеру Борису? – спросил Гуров.

– Докладываю, – начал Степан. – Беклемищев Борис Владимирович…

– Что-то фамилия знакомая, – попытался сосредоточиться Лев и тут же махнул рукой. – Ладно, потом вспомню. Давай дальше!

– Москвич, образование среднее, год рождения 1995, и прописка имеется, причем не в самом захудалом районе. По сотовому он недоступен. Я на адрес уже своих ребят послал – пусть разузнают, что и как. Под протокол изъяты образец подписи и почерка, а также ксерокопия паспорта, но такая темная, что лица на ней не разберешь. Артамонова отксерокопировала нам все свои документы по распределению билетов и их отправке. Сейчас люди сидят и вспоминают, что Борис точно трогал руками, чтобы нам отпечатки снять, и где бы нам найти что-то, с чего его ДНК можно взять.

– Ускорим процесс, – жестко сказал Гуров и обратился к сотрудникам: – Дамы и господа! Сейчас вы все разойдетесь по своим рабочим местам и будете думать, вспоминать и ломать голову над тем, где могут быть отпечатки пальцев курьера Бориса! И вы не уйдете отсюда до тех пор, пока не предоставите то, что мне надо!

Сотрудники покорно разошлись по разным комнатам, а Гуров, повернувшись к Крячко и Савельеву, спросил:

– Новые материалы есть?

– Есть, но там ничего полезного, кроме списков получивших билеты людей, правда, еще не из всех организаций. Как вы понимаете, к этому рабочая группа никакого отношения не имеет. – Гуров только зубы покрепче сцепил, чтобы не выругаться, а Степан усмехнулся: – Ничего! Вы со Станиславом Васильевичем их так вдохновите, что как электровеники работать будут, или я ничего не понимаю в жизни. Кстати, а где вы целый день были?

– Все потом и дома, а то я сейчас сорвусь, – недобрым тоном произнес Лев.

– Между прочим, уже полпятого, а в шесть – время вечерних посиделок. Вам теперь там быть положено – вы же начальство, – неожиданно напомнил Степан.

– Вместо меня там Стас будет отдуваться, а мы с тобой делом займемся. Где тут можно спокойно поговорить?

Они втроем зашли в первый попавшийся кабинет, и Гуров попросил:

– Давайте все, что еще накопали.

– Что касается внешности и привычек Беклемищева, – начал Крячко. – Невысокий, щуплый, глаза и волосы светлые, обычная среднерусская внешность, зацепиться не за что, только вот хромота. Одевался дешево, следил за собой по принципу: чисто, и ладно. Чувствуя себя здесь чужаком, в близкие друзья не набивался, держался особняком, внимание к себе старался не привлекать, о себе ничего не рассказывал, да его и не спрашивали – кому он интересен? Если просили в чем-то помочь, делал, если не тяжело. Большую часть времени проводил в холле. Приходил и уходил вовремя, не опаздывал. По работе придраться не к чему. В последний раз его видели в пятницу. Сотрудники фирмы всем коллективом, как в старые, добрые, советские времена, отправились в Центр развлечений наводить последний лоск. Он поехал туда вместе со всеми на автобусе. А вот разъезжались оттуда вечером кто с кем, кто раньше, кто позже, и никто не может сказать, куда он делся. В понедельник, когда все, сами не зная зачем, пришли к офису, его не было.

– Хорошо, что у тебя, Степан? Ты говорил, что твои ребята что-то нарыли.

– Обследовали они эти очистные, замочек аккуратненько вскрыли, зашли, посмотрели, но потом все снова заперли, – поспешил успокоить его Савельев. – Шатунов был прав, по трубе можно проползти непосредственно в строение недалеко от ограды, где находятся фильтры и прочие механизмы, а уже оттуда выйти на территорию.

– Мокрым как мышь! – возразил Стас.

– Будь у меня ключ от очистных, я бы в пятницу спрятался где-то на территории, потом сделал свое черное дело и ушел через очистные, а мокрым или сухим – уже не важно, – заметил Степан.

– Резонно, – согласился Гуров. – Что по больнице?

– Ребята выяснили, какого числа туда «Скорая» привезла со стройки парня. Поскольку он побывал в воде, паспорт и медицинская страховка намокли, но разобрать, что там написано, было можно. Была большая кровопотеря, и ему делали переливание крови, у него вторая группа, резус положительный.

– Это нам ничего не дает – такая у половины России, – отмахнулся Лев. – Что дальше?

– Наколок на его теле не было. Ребята отксерокопировали его историю болезни, можно будет покопаться. И тут интересный факт – вечером того же дня к нему приехала какая-то женщина лет сорока пяти – пятидесяти, представилась его родственницей. Она привезла ему вещи, продукты, поговорила с ним, с врачами, все выяснила, но больше ее там никто не видел. А на следующий день к нему приходил мужчина, назвавшийся его отцом! Что вполне вероятно, потому что они похожи! Он очень недолго посидел возле Бориса, потом побеседовал с врачом и ушел. Больница маленькая, камера видеонаблюдения допотопная, записи хранятся неделю, так что внешности женщины и мужчины у нас нет. Возникает вопрос: как они узнали, что Борис в больнице, если врачи никому не звонили – он сказал, что не хочет никого волновать, и никаких номеров телефонов никому не давал!

– Борис с этими людьми сам как-то связался, – тут же заявил Стас. – Но раз он побывал в воде, его сотовый сдох, значит, он звонил либо из больницы, либо попросил телефон у кого-то из соседей по палате. Следовательно…

– Уже делается! – заверил его Савельев. – Со стационарного телефона он звонить не мог – ему вставать запретили и он первые два дня пластом лежал, ему костыли только потом выдали. Кто были его соседи по палате, мы выяснили, и люди их уже ищут, кроме того, мы пробиваем их телефонные звонки за первые два дня после поступления Бориса в больницу. А еще медсестер, санитарок, врачей и так далее.

– Врачи «Скорой помощи». Он вполне мог попросить телефон у кого-то из них, – добавил Гуров и по виноватому виду Савельева понял, что их пропустили. – Ничего, наверстаете, с ними будет проще всего. А что с вещами Бориса? Они же были мокрые. Их что, в таком виде сестра-хозяйка в приемном покое в мешок и засунула? Или она их сушила? И вообще, что с ними? Там же брюки рваными должны быть, он в таких и ушел из больницы? Если та женщина ему одежду для больницы принесла, то кто-то мог и верхнюю потом привезти.

– К нему больше никто не приходил, – уверенно заявил Степан.

– Врачи этого могли просто не заметить! Кроме того, в палату тот человек мог не заходить – Борис-то уже сам ходячий был! – начиная раздражаться, сказал Лев. – Где его история болезни?

– Мне ее еще не передали, – пробормотал Савельев.

– Чтобы к вечеру у меня было все! – твердо проговорил Лев. – И еще раз пошли людей в больницу! Толковых! Если у тебя такие есть, – язвительно добавил он. – Пусть там как хотят, так и изворачиваются, но я в подробностях должен знать, что там происходило!

Он немного посидел, глядя в сторону, чтобы успокоиться, затем повернулся к Крячко:

– Стас, ты знаешь, что теперь я руководитель рабочей группы, а ты мой зам? – Тот кивнул с самым заинтересованным видом. – На совещании я только обозначу свое присутствие,

а фактически руководить всем будешь ты. Гоняй их в хвост и в гриву, невзирая на личности. Если что-то будет не так, пиши на них рапорта, потому что дело настолько серьезное, что вы даже не можете себе представить.

– Что-то новое появилось? – насторожился Степан.

– Да, и очень неприятное, но, как я уже сказал, об этом потом и дома. А сейчас пиши, Стас, что конкретно нужно сделать.

Крячко огляделся, нашел на столе какие-то бумаги и стал записывать на обратной, чистой стороне листов, а Лев начал перечислять:

– Раз у нас теперь есть все полномочия, еще раз связаться с теми организациями, которые не предоставили нам списки получивших билеты людей. Снять домашний арест с Владыкина – это само собой. Нужно найти рабочих, которые обслуживали очистные, и выяснить у них, не заметили ли они что-то необычное, когда пришли в субботу утром на работу. Найти среди работников Центра тех, кто первым в субботу открыл павильон – не видели ли они там следов чьего-то пребывания. Если это Беклемищев подсоединял сотовые к взрывчатым устройствам, то должен был на что-то вставать.

– Он хромой, у него нога больная, – напомнил Стас.

– За два месяца могла и пройти, а хромоту он симулировал, – возразил Степан.

– Вот именно, – поддержал его Лев. – Высота там, как я помню, небольшая, но и он невысокого роста, так что просто со стола не достал бы. Значит, должен был притащить хотя бы ту же стремянку, отсюда вопрос к электрикам: где они ее держат, в каком состоянии и где оставили, в каком и где нашли. Опросить охрану, дежурившую ночью, – не заметила ли она чего-нибудь необычного. И нужна полная информация от врачей, в каком состоянии находятся пострадавшие в павильоне люди, с кем из них уже можно говорить. Если таковые есть, начать осторожно опрашивать их на предмет наличия смертельных врагов. У тех, с кем говорить еще нельзя, опрашивать семьи, тут уже можно действовать более настойчиво, как и с семьями тех, кто погиб. Главное, сразу озвучить нашу версию – это не теракт, а покушение на убийство, и мы выясняем, кого именно. Они такой мозговой штурм устроят, что все обиды с детсадовских времен вспомнят, ну а мы потом отсеем лишнее.

– Лева! Ты представляешь себе, какие разборки начнутся? – покачал головой Крячко.

– Поверь мне, Стас, что это мелкие семечки по сравнению с тем, что будет, если мы срочно не найдем Беклемищева, – горько усмехнулся Гуров.

Тут в комнату вбежала какая-то девушка:

– Я знаю, где есть отпечатки! Борька мне календарь к стене кнопками прикреплял! Только я его теперь боюсь трогать! – проговорила она, выскакивая в коридор.

– И правильно, что не трогала! Я его сам сниму! – крикнул ей вслед Степан и бросился за девушкой. Вскоре он вернулся, неся коробку из-под больших скрепок. Лев заглянул туда и увидел, что он не стал забирать весь календарь, а вырезал часть бумаги вокруг кнопки вместе с ней самой – таким образом, отпечаток получался целиком.

– А на одной кнопке, между прочим, и кровь есть – укололся он, – тихо сказал Степан.

– Господи, не выдай! – шепотом взмолился Стас и тут же вздрогнул от пронзительного крика:

– Я вспомнила! – Это к ним прибежала секретарша Люба. – Когда был объявлен конкурс на проект, нам каждый день мешками разные рекламные буклеты приходили. Мы их в холле положили – придут люди, пусть смотрят, пока ждут. И Борька часто сидел в холле и тоже их смотрел, а один, с корабликами, так постоянно!

– Я пошел на дело, – тут же подхватился Савельев. – Мадемуазель! Составьте мне компанию и покажите необразованному сухопутному, как выглядят корабли.

Девушка засмеялась, и они вышли в холл. Вскоре Степан вернулся, неся в файле какой-то рекламный буклет, и Гуров сказал:

– Итак, что мы здесь имеем. Установочные данные, образцы почерка и подписи, ксерокопию паспорта, отпечатки пальцев и, будем надеяться, потожировые с кровью. Хоть я теперь и руководитель группы, но подстраховаться не мешало бы – вряд ли нас там с распростертыми объятиями встретят. Поэтому считаю целесообразным улики разделить: кнопки с бумажками заберет Степан – все необходимые для сравнения данные у его конторы есть, а буклет мы отдадим. Имя Беклемищева пока «светить» не будем, сначала сами с ним разберемся.

– Тогда я сейчас одного парнишку своего высвищу, он у меня все заберет и отвезет в нашу лабораторию, – пообещал Степан.

– Быстро оформляйте под протокол изъятие всего этого! Степан! Не забыл еще, как это делается?

– Обижаете, гражданин начальник! – по-блатному ответил тот.

– Значит, вдвоем быстрее справитесь. Вперед! – скомандовал Гуров.

Через несколько минут все было оформлено, и Крячко, посмотрев на часы, сказал:

– Лева, пора ехать и принимать командование.

– Хорошо, Стас. Я выскажу им все, что о них думаю, а потом ты уж сам рули. Основное для начала я тебе набросал, а дальше война план покажет. Мы же со Степаном поедем по адресу Беклемищева – пора посмотреть, что это за фрукт такой. Степан, отдай Стасу ключи от дома, а ты, Стас, видимо, раньше нас освободишься, так приготовь хоть что-нибудь, потому что иначе я свалюсь – за ведь день ни крошки во рту не было.

Среда. Вечер

Комната, где собрались лишившиеся своего прежнего руководителя члены рабочей группы, встретила Гурова и Крячко (Степан остался ждать Льва в машине) напряженной тишиной. Из всех присутствовавших только Шатров и Богданов знали, что представляет собой Лев, но, несомненно, уже успели сказать остальным, что ничего хорошего ждать от него не приходится. Гуров и Крячко прошли к столу, Стас сел, а вот Лев остался стоять и, оглядев всех неприязненным взглядом, заговорил:

– Я полагаю, что до вас уже доведены два изданных сегодня приказа. По поводу причин, которыми они были вызваны, прошу обращаться к тому, чья подпись под ними стоит, а я никаких комментариев давать не буду. А вот по поводу результатов вашей работы, с которыми я ознакомился, могу сказать только одно – это саботаж! – Все возмущенно вскинулись, а он жестко продолжил: – Сейчас на основании собранных доказательств стало совершенно очевидно, что это не теракт, как громогласно объявил сегодня утром на всю страну генерал Плюшкин, а покушение на убийство, то есть преступление чисто уголовное! Мы по этому делу три дня работали, как каторжные, а вы упражнялись в чистописании! Предупреждаю: если увижу еще хоть одну отписку, ее автор может тут же подавать рапорт, а я постараюсь, чтобы он был рассмотрен в кратчайшие сроки. Далее. Я согласился на эту должность только в силу чрезвычайных обстоятельств, о которых вам знать не следует. Я никогда не имел склонности к кабинетной работе, вот и сейчас ею заниматься не намерен. Все мои поручения будет доводить до вас мой заместитель полковник Крячко, он же будет контролировать их исполнение и сроки. На все про все у нас десять дней! Сегодня закончился первый! Если мы не уложимся, дело закончится катастрофой, причем для всех вас лично – тоже! И даже не надейтесь удержать на плечах хоть какие-то погоны! У меня все! Честь имею!

Он прошел к двери, и тут взбешенный Шатров, не удержавшись, бросил ему в спину:

– А если дело срастется, то Гуров поменяет свои погоны на генеральские и займет кресло начальника управления.

– Шатров! – Лев на секунду приостановился. – Я очень не хочу ни первого, ни второго. Но обязательно сделаю это только в том единственном случае, если буду точно знать, что иначе эту должность займешь ты, потому что тебя к ней на пушечный выстрел подпускать нельзя.

Он вышел, а Крячко язвительно улыбнулся:

– Эх, Шатров! Ну, что ты за человек? Ведь знал же, что под козырной отбой попадешь, а все равно решил выпендриться! Ну ничему тебя жизнь не учит! – И, став серьезным, обратился ко всем: – Ну что, господа офицеры? Продолжим наши игры?

Стас начал раздавать поручения, уточняя при этом, что срок исполнения двадцать четыре часа, но досрочное и, главное, качественное исполнение не только приветствуется, но и будет должным образом оценено при подведении результатов работы. Естественно, все возроптали, на что он спокойно заметил:

– Те, кого это не устраивает, могут переквалифицироваться в юрисконсульты – у них рабочий день нормированный. А пока несогласных прошу на выход, со всеми вытекающими последствиями. – Количество возражавших резко сократилось.

Спустившись вниз, Гуров увидел, как Степан машет ему из своей машины, и сел в нее.

– Лев Иванович, что это за джип с кавказцами за вами ездит? Приструнить шалунишек? – спросил Савельев.

– Не надо, это моя охрана, – покачал головой Гуров. – Просто ты не все знаешь. Потерпи до вечера.

– Можно подумать, что сейчас утро, – хмыкнул Савельев и, перегнувшись, достал с заднего сиденья пакет, в котором оказались апельсиновый сок и плюшки.

– Подкрепитесь, Лев Иванович, а то действительно свалитесь.

В ответ Гуров только невесело рассмеялся:

– Спасибо, Степа, но апельсиновый сок мне сейчас категорически противопоказан, а на плюшки у меня с некоторых пор идиосинкразия. Если у тебя найдется простая вода, то я попью, а нет – так перебьюсь. – Степан с сокрушенным видом развел руками. – Ладно! Скажи, твои архаровцы, которых ты посылал по адресу, насчет Беклемищева что-нибудь выяснили?

– Эти кретины напрямик поехали, а Москва-то стоит! – зло проговорил Степан. – Ну, я им завтра вломлю по первое число! Ничего, мы сейчас сами козьими тропами туда доберемся, вы, главное, за мной держитесь.

Гуров пересел в свою машину, и они поехали. Лев хорошо изучил Москву, но таких закоулков не знал даже он. Однако факт остается фактом – через полчаса, что для столицы практически мгновенно, они уже были возле нужного дома. В квартире Беклемищева никого не было, так что пришлось звонить в соседнюю. После долгих уговоров и заверений, что они из полиции, дверь приоткрыли на длину цепочки, и показался любопытствующий глаз.

– Удостоверение покажи! – потребовал немолодой женский голос, и Гуров, раскрыв свое удостоверение, поднес его поближе к двери, чтобы она могла его рассмотреть.

– Куда суешь! – раздраженно сказала женщина. – Дальнозоркость у меня! – Лев покорно отодвинул его от щели, и она спросила: – Ну, и чего полиции от меня надо?

– Да мы, собственно, не к вам. Нам Борис Беклемищев нужен, – объяснил Степан.

– Вот говорила я Вовке, что Борька плохо закончит! – послышался за дверью торжествующий голос. Щель немного уменьшилась, раздался металлический звук, и дверь распахнулась – на пороге стояла женщина лет семидесяти, в испачканном мукой халате, а из квартиры доносился запах ванили.

– Зря приехали! Борька вам не по зубам! Вовка его от всего отмажет – он же адвокат! – выразительно произнесла она.

Услышав это, Гуров мысленно застонал – ну, конечно! Вот почему ему показалась знакомой эта фамилия – адвокат Владимир Борисович Беклемищев! И пусть он не входил в десятку самых известных и дорогих, но и не из последних был.

– У Борьки все не как у людей! Квартира-то эта ему от бабки, Вовкиной матери, досталась! И много лет она пустая стояла, а как Борька в университет поступил, так тут поселился – ближе ему, мол, на учебу ездить. И машину ему Вовка купил! Ну, и началось! Что ни вечер – то пьянки-гулянки! Девки разные! Шум-гам до утра! Совестила я Борьку, а ему все как с гуся вода! Ростом с вас вымахал, а ума не нажил! А Вовку-то я еще мальчишкой знала, вот он мне свой телефон и оставил! И попросил позвонить, если что! Я и позвонила, как очередная гулянка началась! Вовка мигом примчался! Всю эту компанию расшугал, а Борьку только что не пинками в свою машину загнал и увез – дом у него за городом. А на следующий день слесаря привез, и тот в дверь новые замки врезал! Ну, чтобы Борьке сюда уже совсем ходу не было!

– А вы не подскажете, где нам все-таки Бориса найти? – спросил Лев.

– Адреса Вовкиного дома я не знаю, а телефон могу дать, да только зря проездите, – сказала женщина.

Она скрылась в квартире и вернулась с визиткой адвоката, с которой Гуров переписал номера телефонов. Поблагодарив женщину, они вышли из подъезда, и Степан, зло сплюнув, процедил:

– Можно я не буду говорить, что обо всем этом думаю?

– Да говори ты что хочешь! Хоть вслух, хоть мысленно! Только сначала пробей адрес загородного дома адвоката, – устало ответил Гуров.

– «Пустышку» же тянем! – почти простонал Савельев. – И так ведь понятно, что это не наш клиент!

– Но паспорт-то его! И медицинская страховка тоже! Как знать, вдруг, если мы узнаем, где этот шалопай все это потерял, или украли у него, то нам это хоть какую-то зацепку даст!

Степану ничего не оставалось делать, как выяснить адрес адвоката, а Лев позвонил Крячко:

– Стас, вы все еще заседаете?

– Имеют место быть жаркие дебаты на тему, кого из твоих нынешних подчиненных назначить крайним за столь непродуктивную работу, – тихонько сказал в трубку Крячко. – Лично я поставил на Богданова, звиздюли со всех сторон на него так и сыплются, а он, как обычно, отбивается должностными инструкциями, но остальные его массой задавят.

– Кончай хохмить! – рассердился Лев. – Наш фигурант жил по чужим документам, это мы точно выяснили. А вот как они к нему попали, поедем выяснять сейчас. Поэтому надо найти ту фирму, от которой на стройке в Центре работал лже-Беклемищев, выяснить, в какой именно бригаде, и поговорить с ее рабочими о том, что он собой представляет, что о себе рассказывал и так далее. Короче, вывернуть их наизнанку! Кроме того, пусть кто-нибудь завтра же утром соберет сотрудников фирмы для составления фоторобота якобы Бориса – вдруг это нам что-нибудь даст?

– Понял, дело привычное, – заверил его Стас.

Гуров и Савельев на своих машинах поехали к адвокату Беклемищеву. И опять Степан ехал первым по непонятным улочкам, а Лев изо всех сил старался не отстать от него и не потерять из виду. Да вот только этих сил оставалось все меньше и меньше.

Охрана коттеджного поселка, увидев удостоверение Льва, не могла не пропустить их. Предупрежденный ими Беклемищев встретил оперов уже у открытой калитки, и, судя по его виду, ничего хорошего он от столь поздних гостей не ждал.

– Ну, кто же не знает полковника Гурова, – приветствовал он незваных гостей. – Проходите! – Они втроем вошли в дом, прошли в гостиную, заняли места вокруг стола, и хозяин спросил: – Чему обязан? Хотя всем известно, что Гуров пустяками не занимается, значит, случилось нечто серьезное.

– Нам надо задать вашему сыну несколько вопросов, – объяснил Лев.

– Та-а-ак! – угрожающе протянул Беклемищев, вышел в холл, подошел к лестнице и крикнул наверх: – Борька! А ну, спустись вниз!

Было слышно, как кто-то сбежал по лестнице, а потом в гостиную вошел одетый только в шорты высокий парень, светловолосый, голубоглазый, обычной среднерусской внешности, но ни у кого даже мысли не возникло бы назвать его пришибленным или убогим – это был мажор во плоти!

– А скажи-ка мне, отрок, при каких обстоятельствах ты утратил паспорт и медицинское страховое свидетельство? – усталым голосом спросил Гуров.

Парень напрягся, искоса глянул на отца, который приказал ему:

– Сядь! – Тот потупился и покорно сел. – А теперь рассказывай!

– Да это случайно получилось, – начал мямлить парень. – Мы тогда окончание сессии в «Чертовом колесе» отмечали. Вышли оттуда, и тут к нам какие-то гопники привязались. Началась драка, охрана клуба в стороне стояла и не вмешивалась – не их же территория. Я отбивался борсеткой, а потом у меня от нее только ручка и осталась. Тут «ментовоз» завыл, все врассыпную бросились. Я в свою тачку прыгнул, и по газам. Хорошо, что ключи от машины у меня в кармане были, а права – всегда в ней.

– О том, что ты сел за руль выпивши, мы потом поговорим, – зловеще пообещал отец. – А сейчас говори, что у тебя в борсетке было?

– Только документы: паспорт, медицинская страховка, студенческий, зачетка, читательский, – глядя в пол, перечислял Борис. – И по мелочи: сигареты, презервативы и все прочее.

Банковские карты вместе с деньгами в бумажнике были, а ключи от дома и машины, как и говорил, в кармане. Сотовый тоже при себе.

– Ты пытался найти борсетку? – спросил Степан.

– Искал, конечно, – пробормотал парень. – Я тогда на пару кварталов отъехал, подождал, пока возле клуба все успокоится, а потом обратно вернулся. Все там облазил, но не нашел. С охраной поговорил, вознаграждение пообещал, если найдут. На следующее утро снова приехал, чтобы уже при свете посмотреть, и опять не нашел. Вечером у охраны спросил – они сказали, что тоже ничего не видели. Мне ребята говорили, что могут написать на домашний адрес, что, мол, вернем паспорт за деньги, так я в бабкин дом каждый день ездил – в паспорте же тот адрес стоит. Это ты в квартире замки поменял, а ключ от почтового ящика тот же остался. Но никто не написал.

– Ты заявление в полицию подал? – спросил адвокат, и парень отрицательно помотал головой. – Почему?!

– Некогда было – в ментовке же надо в очереди сидеть, – промямлил Борис. – Страховое? Так мы все равно в частных клиниках лечимся. А в университете я все восстановил.

– Идиот! – заорал на него отец и повернулся к Гурову: – Лев Иванович, что с его паспортом?

– По нему жил преступник, – объяснил Гуров.

Парень побледнел как мел и в ужасе уставился на него, а вот Беклемищев внезапно успокоился, усмехнулся и сказал:

– Это все, Борис! Я тебя предупреждал!

– Владимир Борисович! Давайте вы с сыном потом разберетесь, – попросил Лев и спросил у парня: – Какого точно числа ты потерял паспорт?

– 29 января этого года, – буркнул тот.

– Если вспомнишь что-нибудь еще об этом случае, скажи отцу, и он со мной свяжется, – сказал Гуров, прощаясь с хозяевами.

Адвокат проводил Гурова и Степана, и они уехали. Миновав шлагбаум, остановились и вышли из машины. Гуров махнул рукой сидевшему за рулем джипа Гураму, которого неплохо знал, и тот мигом подбежал к нему.

– У вас есть самая обыкновенная вода? – спросил Лев.

– Конечно, уважаемый, – удивленно ответил тот.

– Тогда принеси мне, пожалуйста. И вот еще что. Пусть кто-нибудь из твоих ребят поведет мою машину, а я на заднем сиденье «Жигулей» попробую подремать.

Гурам убежал, и вместо него мигом появился другой парень, который протянул Гурову пластиковую бутылку воды и пакет:

– Покушайте, пожалуйста, уважаемый.

Лев взял пакет, но, едва открыл его, как ему в нос ударил острый запах кавказской кухни, и он со вздохом вернул его парню:

– Спасибо, но мне это все нельзя.

Лев отдал ему ключи от своей машины, а сам сел на заднее сиденье «Жигулей». Первым делом выпил всю бутылку воды и почувствовал, как совершенно пустой желудок обрадовался ей, словно родной – наконец-то в него хоть что-то попало. Устроившись поудобнее, он попросил:

– Степа, пошли своих парней прямо сейчас к клубу «Чертово колесо». Пусть с охраной поговорят, вокруг порыщут… Надежда, конечно, слабая, но вдруг кто-то что-то вспомнит. Нам бы хоть кончик ниточки уцепить, хоть след от нее найти!

– Уже! – заверил его Савельев. – Я им сказал, чтобы кровью свой позор смыли, а то я их на атомы разложу! Это же надо было додуматься – ехать в час «пик» к дому Бориса напрямую! – бушевал он. – Ну, я им завтра устрою!

Он говорил еще что-то, но Лев его уже не слышал – он спал.

Проснулся Гуров от того, что Степан тряс его за плечо и только что не орал в ухо:

– Лев Иванович! Мы уже на месте! Ваша машина тоже здесь, а кавказцев я отпустил – все равно ведь вы до утра никуда не денетесь.

Лев открыл глаза, с трудом выпрямил затекшую спину и осмотрелся – «Жигули» стояли уже возле дома Савельева. Исключительно на автопилоте он поднялся в квартиру Степана, но, почувствовав доносившиеся из кухни дивные ароматы, немного приободрился.

– Стас, это ты там кулинарничаешь?

– Станислав Васильевич отбывает наказание возле телевизора, а то вздумал мне советы давать! – заявила появившаяся со стаканом воды и флаконом лекарств Лика. – Пейте, Лев Иванович, это вам от поджелудочной, гарантированно поможет, – сказала она и, подождав, пока он выпьет, продолжила: – Флакон держите при себе, принимать лекарство нужно по одной таблетке три раза в день за полчаса до еды, так что ужина раньше не ждите. Идите пока свои дела обсуждать – меня предупредили, что у вас аврал. Я вам постелила на диване в зале, а Станиславу Васильевичу – в кабинете. Как я поняла, прошлой ночью никто из вас не ложился, так хоть сейчас отдохнете по-человечески.

Гуров даже не подумал отказываться – сил на то, чтобы добираться еще и до дома, у него не было. Они прошли в зал, Стас и Степан устроились на диване, а Лев остался стоять – боялся, что если сядет, то вырубится. С сочувствием глядя на друга, Крячко проговорил:

– Лева, я смотрю, ты держишься исключительно на морально-волевых, но все-таки расскажи, что случилось. Откуда взялись эти десять дней?

Гуров, расхаживая по комнате, начал говорить. Когда он закончил, с минуту стояла полная тишина, а потом Крячко, схватившись руками за голову и раскачиваясь из стороны в сторону, стал бессвязно материться.

– Господи! Ну, дай же ты мне Плюшкина в руки хоть на минуту! Хоть на полминуты! Честное слово, я успею! – отчаянно взмолился Савельев.

Постепенно все успокоились и вернули себе возможность хоть что-то – с учетом их вымотанного до предела состояния – соображать.

– Степа, где ксерокопия истории болезни Бориса? – спросил Гуров и, получив ее в руки, на ходу просмотрел, а потом, помахав в воздухе листками, устало произнес: – Ты это читал? – Чуя подвох, Савельев отрицательно покачал головой. – Напрасно! Тут русским языком написано, что больной Беклемищев Б. В. самовольно покинул больницу. Говоря проще, сбежал, как только смог самостоятельно передвигаться. И произошло это на третий день после его туда поступления. Степа, почему он сбежал? От кого? В чем? В пижаме и тапочках? Так это был март, а не лето. – Парень пошел пятнами и, сцепив зубы, играл желваками. – Опять та же история! – вздохнул Лев. – Если хочешь что-то сделать хорошо…

– Лев Иванович! Клянусь! Завтра к вечеру у вас будет полный расклад по пребыванию этого чертова Бориса в больнице! – воскликнул Савельев.

– Лучше уж я сам туда съезжу, – зло бросил тот. – Потому что твои дуболомы…

– Замолчите оба! – вмешался Крячко. – Завтра рано утром туда поеду я! Ничего! Обойдутся полдня без меня! Или ты, Лева, мне тоже не доверяешь?

– Стас, мне нужна максимально полная картина, – попросил Гуров. – Что-то в этой истории не так!

Некоторое время все молчали, успокаиваясь, только Степан шептал что-то себе под нос – видимо, репетировал свое завтрашнее выступление перед подчиненными, и даже постороннему человеку было бы ясно, что из приличных слов там будут только предлоги. Наконец, решив, что уже можно подать голос, он сказал:

– А посмотрю-ка я завтра, что у нас есть на Зубра. Обязательно что-то должно быть. Вдруг удастся найти какой-нибудь скелет в его шкафу, и тогда мы сможем его утихомирить. А то сроки он нам, видите ли, ставить будет!

– Лева, а может, ты поговоришь с ворами? – предложил Крячко. – Объяснишь, что Зубр на пустом месте волну гонит, и тогда они его сами остановят.

– Предлагаешь мне сходняк собрать? – устало спросил Гуров. – Так нет у меня таких полномочий.

– Зачем? Но с теми-то, кто в Москве, ты можешь встретиться? – настаивал Стас.

– Могу! Но никто из них против Зубра выступить не решится, а я буду иметь в его лице смертельного врага, потому что до него это обязательно дойдет. Нет уж! Я считаю, что то хрупкое перемирие, которое сейчас установилось, нужно изо всех сил сохранять, потому что достаточно одной искры, чтобы все полыхнуло! Найдем того, кто эту трагедию в Центре устроил, а потом уже можно будет подумать, как с Зубром разбираться.

– Но если тот парень, которому ногу отрезали, действительно его сын… – начал было Крячко, на что Гуров просто отмахнулся:

– Стас, такие вещи уже давно никого не волнуют. Тех стариков, которые жили по настоящему воровскому закону, уже практически не осталось, а сейчас «законником» может стать кто угодно – были бы деньги. Так что у них и жены, и дети, и бизнес, и все прочее.

Вошедшая Лика прервала их спор, пригласив к ужину. Гуров ел что-то мягкое и очень вкусное, автоматически жуя и проглатывая, но не вникая, а что, собственно, лежит на тарелке, потому что этот разговор не то что отнял последние силы, а они у него уже в минус ушли. Отвалившись от стола, он сказал:

– Последнее. Мне завтра утром надо заехать домой за вещами Марии, а ты, Степа, уж постарайся как-нибудь их ей передать. И еще. Стас, ты у руля, а мы со Степаном к двенадцати должны быть в частной больнице у Зубренка.

– Лев Иванович! Вы, главное, вещи соберите, а уж я сама их передам, нечего Степана от дела отвлекать, – вмешалась Лика и спросила: – Во сколько вас поднимать?

Гуров ей не ответил – он отключился. Савельев и Крячко оттащили его на диван, а потом, повинуясь решительному взмаху руки Анжелики, вернулись в кухню. Эх, как жаль, что Лев не слышал, какой грандиозный скандал там бушевал!

– Вы что, Гурова угробить решили? – возмущалась Лика. – Он вам что, мальчик, чтобы над ним так издеваться? У него поджелудочная больная! Ему питаться регулярно надо, а он за целый день хоть что-нибудь съел? Вы что, не могли куда-нибудь заехать и пообедать нормально?

– А ты попробуй его остановить, когда он след взял! – огрызнулся Степан. – Он не только сам на всех парах вперед несется, забыв обо всем, но и нас за собой тащит!

– Я сейчас сама кое-кого остановлю! Причем навсегда! – пригрозила она.

– Между прочим, мы тоже за весь день почти ничего не съели, потому что шаурма и сок с плюшками – это не еда! – поддержал Савельева Крячко.

– Степан здоров, как молодой лось! Он и сосновую кору слопает – не подавится! А у вас, Станислав Васильевич, луженый желудок! Вы ржавые гвозди переварите, и у вас даже изжоги не будет! – бушевала Лика. – В общем, так! Если Лев Иванович еще раз весь день голодным проходит, то я останусь вдовой, причем сделаю это с удовольствием! А полковнику Крячко закажу погребальный венок и собственноручно возложу на его могилу без малейших сожалений! Сомнения есть?

– Какие уж тут сомнения? – пробормотал Стас, бочком выскальзывая из кухни, и поманил за собой Степана.

Когда они оказались в коридоре, он сказал:

– Знаешь, я, пожалуй, домой ночевать поеду, тем более что мне завтра рано утром в больницу выезжать, а потом в кабинете сидеть, отчеты принимать, исполнение контролировать. Ты мне только ксерокопии всех рабочих материалов отдай, чтобы я их сам прочитать мог – вдруг на что-то интересное наткнусь.

– Испугались? – не столько спросил, сколько констатировал Савельев. – Бросаете меня одного в трудную минуту!

– Да как-то не хочется твоей жене под горячую руку попадать. Тебя-то она не тронет – детей осиротить не захочет, а вот мне достанется по первое число, – не стал лукавить Стас. – Потом она, может быть, и пожалеет об этом, а может, и нет. Только мне от этого легче уже не будет.

– Да ладно вам из нее монстра делать! – усмехнулся Степан. – Ну, погорячилась! Не без этого! Куда же вы на ночь глядя?

– Нет, Степа! Лучше уж вы к нам! – только и ответил Стас.

Савельев принес ему дипломат с документами, и Крячко ушел, а Степан зашел в кухню, где Лика загружала посуду в посудомоечную машину, обнял ее и спросил:

– Успокоилась уже? – Она сердито засопела. – Ну, и зачем ты Станислава Васильевича обидела? Перепугала его насмерть? Ты пойми, Гуров такой человек, что не остановить его! Тем более сейчас. Уж он-то лучше других представляет, чем эта война для города обернуться может.

– А вы успеете? Ведь всего девять дней осталось.

– Должны успеть, – твердо заявил Степан. – А теперь пошли спать – завтрашний день легче сегодняшнего точно не будет.

Четверг. Утро. День второй

Утром Гуров первым делом выпил спасительную таблетку, а потом долго стоял под прохладным душем, чтобы привести себя в рабочее состояние и обдумать предстоящий разговор с Зубренком. Затем отправился в кухню, где его ждал белковый омлет с сыром, который оказался неожиданно вкусным – видимо, Мария просто не умела его готовить, а вот Степан вовсю уплетал яичницу с беконом. Пока они ели, Лика спросила:

– Когда вас на обед ждать?

– Меня не жди, – ответил Гуров. – Спасибо вам большое за гостеприимство и заботу, но я перебираюсь к себе, мне там будет лучше.

– Но вам же нужно правильно питаться! – воскликнула она. – А у вас, как мне говорили, дежурный обед – это пакетик гречневой каши и пара сарделек!

– Ничего! Я на картофельном пюре продержусь. Вот дело закроем, тогда и займусь собой, а сейчас мне не до этого. А дома и стены помогают, – ответил Лев и перешел к делу: – Степа, выясни, кто из твоих сумел что-нибудь узнать, а часам к одиннадцати приезжай ко мне. Расскажешь, что и как, а потом мы с тобой к Зубренку поедем. Сумку с вещами жены я тебе отдам, а уж кто из вас ее Маше передаст, сами решайте.

Выйдя из дома Степана, Гуров увидел, что джип уже ждет за шлагбаумом – его охраняли всерьез. Подъехав к своему дому, он поднялся в квартиру, начал было собирать в большую сумку вещи Марии, но тут раздался звонок домофона. Он посмотрел на его экран и увидел Гурама. Сердце нехорошо заныло – они же только что расстались! Значит, что-то случилось! Лев открыл не только дверь подъезда, но и свою, чтобы сразу узнать, что произошло, и тихо обалдел, увидев, что из лифта выходит не только Гурам, но и его парни, и все несут ящики с бутылками.

– Это еще что? – остолбенел Лев.

– Уважаемый! – Осторожно взяв Гурова под руку, Гурам отвел его от двери, а парни тем временем занесли ящики в квартиру, вышли и стали спускаться вниз по лестнице. – Это с Кавказа самолетом для вас передали. Хозяин не знал точно, какая именно минеральная вода вам нужна, поэтому привезли всю, какая есть, по одному ящику. Пейте, пожалуйста, на здоровье! И не беспокойтесь, она вся настоящая! Нужно будет, еще привезем.

Минералка Гурову, конечно же, была нужна, но чтобы ее вот так доставили ему на дом!

– Сколько я должен? – спросил Лев.

– Не знаю, уважаемый! – улыбнулся Гурам. – Это вы с хозяином сами решайте. Только если я у вас хоть копейку возьму, он меня убьет.

Гурам ушел, а Лев вернулся в квартиру, посмотрел на стоявшие вдоль стены в коридоре ящики и вздохнул – взятка в чистом виде! А если он попытается Мирзоеву за минералку деньги отдать, обида будет смертельная! Вздохнув еще раз, он пошел собирать вещи жены дальше и почти закончил, когда снова раздался звонок, но уже непосредственно в дверь. Посмотрев в глазок, Лев увидел немолодую грузную женщину в темных очках и открыл дверь.

– Привет, Гуров, – проговорила она низким хрипловатым голосом и, повернувшись к стоявшим возле лифта двум парням, приказала: – Заносите!

Парни покорно подняли по два огромных, под завязку набитых пакета и двинулись к двери.

– Это еще что? – возмутился Лев.

– Гуров! А ведь ты меня не узнал! – рассмеялась женщина и сняла очки.

– Тома Шах-и-Мат! – приглядевшись, воскликнул Лев. – В миру Тамара Ильинична Ионова! Давненько я о тебе не слышал!

– Она самая! Меня к тебе люди прислали, – объяснила она и, отодвинув его к стене могучим плечом, рыкнула на парней: – Долго вас ждать? В коридоре поставьте! Я потом сама разберусь! И ступайте! Нужны будете – вызову!

Не обращая внимания на Гурова, парни занесли пакеты в дом и ушли.

– Может быть, ты все-таки объяснишь, что происходит? – разозлился Лев не только от этой бесцеремонности, но и от того, что сдвинуть Тому с места не смог бы при всем желании.

– Приглашай в дом, хозяин! Не здесь же нам разговаривать! – предложила она.

Лев жестом показал, что она может войти, и Тома, увидев ящики с минералкой, хмыкнула:

– Все ясно! Мирза постарался! – Легко подхватила два тяжеленных пакета и спросила: – Где тут у тебя кухня?

– Поставь пакеты и объясни, в чем дело! – холодным тоном приказал Гуров. – Мне наряд вызвать недолго.

– Эх, ты! Женщины испугался! – рассмеялась она, но поставила пакеты, прошла в комнату и села на диван, а Гуров сел напротив. – Я же тебе сказала: люди меня прислали, чтобы я тебе помогла. Сготовить, прибрать, рубашки погладить, а то ты выглядишь так, что вот-вот копыта откинешь, да еще и есть ничего не можешь. Загнешься ведь!

– Это кто же настучал? – язвительно спросил Лев. – Ваших на том обеде никого не было.

– На свете много предусмотрительных людей, – туманно ответила Тома. – Так что с этой минуты ты – моя основная забота, с меня за тебя люди спросят.

– У меня, между прочим, жена есть, – заметил Гуров.

– Которую ты спрятал, – тут же добавила она. – Ночью все окна в квартире темные были, домашний телефон и ее сотовый не отвечают, в театре никто не знает, куда она делась. И, между прочим, правильно поступил! Толька мужик резкий, мог бы сгоряча и глупости наделать.

Лев даже не сразу сообразил, что она говорит о Кабанове, потому что он всегда называл его Зубр, но, когда понял, тут же воскликнул:

– Погоди! Так он же, как и ты, из Шахтинска! Ну, тогда скажи мне: тот парень, которого он своим племянником называет, ему действительно сын?

– Гуров! Не лезь куда не надо! – очень серьезно проговорила Тома, глядя на него тяжелым взглядом бывалой уголовницы. – Ты у меня ничего не спрашивал, а я ничего не слышала! – И вернулась к прежней теме: – Так что я к тебе временно помощницей по хозяйству. Этот диван меня вполне устроит. Ничего! Девять дней потерпишь!

– Тома! Давай сделаем так: вызывай своих парней, забирай пакеты и возвращайся… домой, – предложил Лев, с трудом удержавшись от того, чтобы не сказать «откуда пришла».

– Гуров! Ты чего, блин, выделываешься? – взбесилась Тамара, и зрелище это было устрашающее. – Мозги, блин, включи! Ты сейчас самому себе не принадлежишь! От тебя одного сейчас зависит, будет в Москве война или нет! А может, она и еще куда перекинется! А она никому не нужна, и нашим тоже!

– Ну, так остановите Зубра! Неужели, если люди соберутся и скажут…

– Ты, блин, дурак или придуриваешься? Не может он уже обратно повернуть! Понял?! Он слово сказал! Ты найди ту суку, которая людей погубила, а потом хоть котлеты магазинные жри, хоть стреляйся! Ты думаешь, мне за счастье будет тут у тебя по хозяйству колотиться? Хрена! Но раз так для дела надо, то буду! И паровые котлеты тебе буду готовить! И рубашки гладить, чтобы ты ни на что не отвлекался! А если надо будет что людям передать, то передам, потому что тебе не разорваться, а они все готовы сделать, лишь бы войны не было! У меня, может, сердце кровью обливается, как там Ванечка без меня один? И за Кузьму, хоть и не я его рожала, душа болит, потому что балбес он еще тот! За ним глаз да глаз нужен! Но мне люди сказали: «Тома! Помоги!» И я к тебе пришла! А ты тут как вошь на гребешке выеживаешься!

– Значит, это Зубр тебя прислал, – понял он. – Попросил помочь по старой дружбе – вы же еще с молодости знакомы. Он поддался эмоциям, на что никакого права не имел, и из-за личных амбиций выдвинул ультиматум, который очень большой кровью может обернуться. Потом опомнился, да только ходу назад ему нет. И вся его надежда на то, что я найду преступника, а иначе… Тома, скажи честно, если я не сумею за оставшееся время это сделать, что будет?

Она посмотрела на него долгим невеселым взглядом и почти прошептала:

– Успей, Гуров! Мы тебя очень просим: успей!

– Значит, иначе война без вариантов, – вздохнул он. – Ладно! Постараюсь успеть. – И перевел разговор на другое: – Так, я понял, что ты сейчас с Кинг-Конгом живешь? Он – Иван Кузьмич, сын у него Кузьма…

– Ты это погоняло раз и навсегда забудь! – сказала, как отрезала, Тамара. – Нет больше никакого Кинг-Конга! Есть Иван Кузьмич Кунгуров! И судимости его все погашены, как и у меня! И бизнес у него чистый! Понял?

– Так вот почему я о тебе давно не слышал – ты теперь замужняя женщина и мать семейства.

– И даже наколки все свела, хоть и жалко было – красивые же были! – вздохнула она. – Теперь вот хожу и шрамы после них убираю.

– Ладно, Тома, может быть, ты и права, что мне одному сейчас трудно будет, – согласился Лев.

– Слава тебе господи! Дошло! – Она поднялась и пошла к своим пакетам. – Сейчас я тебя кормить буду. Специально из дома взяла, чтобы тут не возиться и тебя не задерживать. А то будешь, как вчера, весь день не жравши по городу носиться! Так и в голодный обморок грохнуться недолго. Так, где у тебя кухня?

– Следили за мной, значит, – хмыкнул Гуров. – А я и не засек.

– Не следили, а охраняли! – веско бросила она. – Так не дураков же за тобой поставили!

– То есть того, что меня люди Мирзоева охраняют, вам мало показалось?

– Гуров! Ты с годами поглупел или это от усталости у тебя? – язвительно спросила Тома. – В Москве всякой швали развелось столько, что, по-хорошему, ее давно пора бы почистить. Нарвался бы ты на банду отморозков типа националистов, ну, и чем бы тебе тут «черные» помогли? Они бы и тебя не спасли, и сами под раздачу попали.

Возразить Льву было нечего – швали в столице действительно хватало. Он показал ей, что и где у него находится, она быстро во всем разобралась, потом открыла холодильник, посмотрела и решительно сказала:

– Я бы твоей жене руки с корнем вырвала – все равно не оттуда растут. Ну, куда тебе с больным желудком этот силос?

– У меня поджелудочная, – поправил ее Лев и объяснил: – Это Мария для себя держит.

– Все равно кулема! – махнула она рукой.

Перетащив пакеты в кухню, Тамара достала из одного из них термосы и выложила на тарелку что-то белое и очень вкусно пахнущее.

– Творожная запеканка, – сказала она. – Ешь, пока теплая. У Ванечки моего тоже болячек не сосчитать, так что я всю эту премудрость освоила.

Гуров неплохо знал Кинг-Конга, мужика ростом за два метра, соответствующей комплекции, неимоверной силы, чье лицо, казалось, топором вырубали, вот за такую внешность он в свое время и получил свою кличку. И когда Тамара называла его Ванечкой, Льву стоило большого труда не улыбаться. Запеканка была необыкновенно вкусной, и Гуров пошутил:

– Ну вот! Зарезать меня у ваших не получилось, застрелить – тоже, так вы меня отравить решили!

– Ешь, балабол! – отмахнулась Тома. – Да сделай я такое, меня, несмотря на былые заслуги, мигом бы «на перо» поставили!

– Неужели? – удивился он. – И за что же?

– Гуров! – глядя на него как на несмышленыша, начала объяснять она. – Серьезные люди считают, что если уж попадаться, то лучше тебе, чем другому. Ты, по крайней мере, лишнего не навешаешь и разберешься по справедливости. Да и слово свое всегда держишь. Таких, как ты, теперь, считай, уже и не осталось!

Их разговор прервал звонок домофона, и Лев пошел открывать – это был Степан. Когда парень вошел в кухню, разбиравшая там холодильник и беспощадно выбрасывавшая все, что считала вредным, Тамара окинула его критическим взглядом и спросила:

– А это что еще за фраер?

– Мамаша! – восхитился с ходу просчитавший ее Савельев.

– Я тебя, сынок, сейчас так по-родственному ласково вдоль хребтины приложу, что ты у меня зубоскалить вмиг разучишься! – не предвещавшим ничего хорошего тоном предупредила его она.

– Это, Степа, Тамара Ильинична Ионова, она же в прошлом Тома Шах-и-Мат, потому что родом из Шахтинска, а разговаривать по молодости предпочитала исключительно матом, отсюда и кличка, – представил ее Гуров. – Четыре ходки за плечами, еще с малолетки начинала, и все за разбой. Так что ты, Степа, будь с ней поосторожней – она таких, как ты, двумя пальцами в узел завязывает. А это, Тома, Степан… – продолжил он, но тот, раскинув руки, уже радостно и с готовностью шагнул к ней со словами:

– Мадам! Я весь ваш!

– Да ну вас к черту! Сами разбирайтесь! – махнул рукой Лев и пошел в спальню, чтобы закончить с вещами жены.

Он окончательно собрал сумку, переоделся сам и, достав из сейфа два прослушивающих устройства, одно из них включив, положил в карман, а второе – в борсетку. Потом вынес сумку в коридор и, хотя время у них в запасе еще было, пошел в кухню за Степаном. И картину он там застал трогательную до слез: Тамара сидела, горестно подперев щеку рукой, а Степан сидел напротив нее, и вид у него тоже был довольно печальный.

– Ох, как Ваську-то жалко! – говорила Тома. – А я ведь и не знала, что его уже нет! Думала, живет он в своей Астрахани, а он помер давно, царствие ему небесное! – Она перекрестилась. – Счастье твое, Степка, что ты к нему в руки попал! Он человек был добрый и душевный! Пожалел он тебя! А другой бы на его месте тебя в наших делах так закружил, что сидеть тебе – не пересидеть! Помянуть бы его надо!

– Я за рулем, Тома, да и времени сейчас нет, – отказался Степан.

– Ничего! Не в последний раз видимся! Еще посидим, повспоминаем Ваську, – сказала она, а потом повернулась к Гурову и укоризненно произнесла: – Что ж ты не сказал, что Степка Шургану вроде приемного сына был?

– Вы сами разобрались? Разобрались! Вот и хорошо! Пошли, Степан! – позвал Лев.

– Э, нет! Погоди! – остановила его Тамара и выставила на стол полиэтиленовый пакет. – Степка, смотри! Это ложка и вилка. Это минералка и пробка к ней, а чем открыть, найдешь. В этом термосе – первое, в этом – второе, хлеб – в салфетке, сухарики для супчика – в пакетике, а в этом термосе заварен шиповник с курагой. На два раза Гурову перекусить хватит, а вечером уже основательно поест. Предупреждаю! Хоть ты Шургану и за сына был, но, только если Гуров чего не съест, быть тебе битым. Ты меня понял?

– Тома, ты во мне не сомневайся! Я за всем прослежу, и Лев Иванович все съест, – заверил ее Савельев. – Он нам живым и здоровым нужен.

– Тамара! Ну чего я буду народ смешить? – возмутился Гуров. – Где я с этими термосами устраиваться буду?

– А хоть в машине! – категорично заявила она. – Достал термос, открыл, поел, закрыл. И вообще, мы с тобой это уже обсуждали! Девять дней будешь жить так, как я скажу, а потом что хочешь, то и делай!

Поняв, что спорить бесполезно, Лев махнул рукой, Степан взял пакет, а в коридоре еще и сумку, и они вышли из квартиры. В лифте Гуров сказал ему:

– Степа, расклад такой. Тамара и Зубр знакомы с молодости, и ее ко мне прислал именно он. Он сильно погорячился со своим ультиматумом, но ходу назад у него нет. Я о нем много слышал, но и он обо мне – тоже. Цену он мне знает и понимает, что преступника я найду, поэтому кроме кавказцев за нами еще и «родные» уголовники ездят. Якобы для охраны, но, думаю, на самом деле, чтобы перехватить преступника, когда я на него выйду. Зубру совсем не надо, чтобы тот попал в руки полиции, он хочет сам с ним рассчитаться. Сегодня Тамара, может быть, еще не успела на меня «жучок» навесить – во-первых, не осмотрелась еще, а во-вторых, какой смысл, если мы к Зубренку едем? Но вот потом нам обоим надо соблюдать осторожность. Нам их разборки ни к чему! Нам надо преступника всей стране предъявить, чтобы людей успокоить, а не только уголовников всех мастей. У меня с собой «антипрослушка», которую я еще дома включил, и детектор на «жучки». Так что и ты с ними не расставайся и будь с Томой поосторожнее. Вот такие дела!

– Понял! – покивал тот и предложил: – Давайте завезем сумку ко мне домой. Лика из нее все вещи в нашу переложит и кое-кому отдаст, а уже те – Марии.

– Главное, чтобы они к ней наконец-то попали, – заметил Гуров. – Ну а у тебя какие новости?

– Лев Иванович, давайте позже, а то у нас времени только-только, чтобы ко мне заехать, а потом до клиники добраться, – предложил Степан, и Гуров, взглянув на часы, согласился с ним.

Оставив машины возле клиники – въезд на территорию был запрещен, Лев и Степан вошли во двор и увидели, что здание было оцеплено так, что и мышь не проскочит, а хмурые лица парней откровенно не светились дружелюбием.

– Степа, подожди меня в машине, потому что тебя со мной не пропустят – не тот расклад, – попросил Гуров. – А нарываться нам сейчас ни к чему.

Савельев поворчал, но смирился и пошел обратно, а Лев направился к входу, где спросил у одного из охранников, где старший. Тот что-то произнес себе в воротник, и буквально через минуту из здания вышел Глеб.

– Пойдемте, вас ждут, – сказал он.

– Что-то ты стал ко мне очень вежливо обращаться, – хмыкнул Гуров.

Они вошли внутрь и направились к лифту.

– Как они? – спросил Лев.

– Хозяину одну ногу врачи спасти смогли, прямо из осколков собирали, а вот вторую – нет, ниже колена ампутировали.

– А женщина как?

– Наталью вытащили. Восемь часов операция шла – очень неудачно тот осколок ей в бок вошел, еще бы чуть-чуть, и до сердца достал. А тут еще и выкидыш. С утра до вечера под капельницей лежала – крови-то сколько потеряла, да и сейчас ей врачи еще вставать не разрешают.

– Ну а девочки? Заговорили?

– Нет! – глухо ответил Глеб и даже зубами скрипнул. – Чертова прорва врачей вокруг них, а толку никакого! Во сне стонут, писаются, всего боятся… Прижмутся друг к другу и сидят, смотрят на всех испуганными глазами. Чуть что – тут же в рев! Только возле матери и успокаиваются. Ей широкую кровать поставили, так они по обе стороны от нее лягут, при-

жмутся и только тогда спокойно спят. А как их на ночь у нее забирают, так они опять в рев, – тусклым голосом рассказывал Глеб, а потом не выдержал: – Добраться бы мне до той суки, которая все это устроила, своими бы руками на мелкие кусочки живого резал!

– Подобный вид наказания УК РФ не предусмотрен, – охладил его пыл Гуров и посоветовал: – Детей ведь можно и к отцу пускать. Он-то, надеюсь, не под капельницей?

– Нет, это не выход, – кратко ответил парень.

Лифт остановился на последнем этаже, и, когда его двери открылись, возле него оказались два охранника, причем в руках одного из них был металлодетектор.

– У меня нет оружия, – сказал Лев, ничуть не солгав, потому что его пистолет лежал на работе в сейфе, но его все равно проверили, да еще и в борсетку заглянули.

– Шеф весь этаж снял, но лишним не будет, – объяснил Глеб, не сделав ни малейшей попытки извиниться.

– В каждой избушке свои погремушки, – пожал плечами Гуров и поинтересовался: – Как твоего хозяина зовут? Надо же мне к нему как-то обращаться.

– Николай Владимирович Чугунов, можно просто Николай. Хочу сразу предупредить, что я буду присутствовать при вашем разговоре.

– Знаешь, я сейчас развернусь и уйду! – не выдержал Гуров и остановился.

– Не злитесь – так надо для дела, – сказал Глеб и, поколебавшись, объяснил: – Николай пьет. Говорит, что иначе с ума сойдет – очень переживает, что ногу потерял. Как на следующий день после операции начал, так и не останавливается, к вечеру уже никакой, а наутро – все сначала. Вчера прошел приказ до вашего прихода ему спиртное не давать, чтобы он вменяемый был и смог на ваши вопросы ответить. Так что он сейчас трезвый и злой. Если меня не будет, он может вас просто послать или, например, попросить достать из шкафа пакет. И вы достанете – как же больному не помочь? А там коньяк! Он выпьет, и вы от него уже ничего не добьетесь – ему сейчас и ста граммов хватает, чтобы отключиться. Вот когда вы у него все выясните, коньяк ему отдадут обратно. – Он остановился возле одной из палат и открыл дверь: – Нам сюда.

Они вошли, и Гуров увидел лежавшего на кровати с ногой на вытяжке небритого мужчину, который со скучающим видом смотрел в экран висевшего на стене плазменного телевизора. Он обернулся на звук, и Лев внутренне передернулся: испитая, небритая физиономия Николая не вызвала у него ни малейшего сочувствия – он терпеть не мог слабаков.

– Это человек, который вас нашел и о котором вас предупреждали, – сказал Глеб.

– Лучше бы не находил, – буркнул тот. – Чем так жить, лучше не жить совсем!

– Не надо так пессимистично. Вы вправе считать себя героем – вы же свою семью от смерти спасли, – заметил Лев.

– Моя семья – это моя забота, – неприязненно ответил Чугунов. – Что вы хотите узнать?

Гуров взял стул, перенес его к кровати, возле которой тут же почувствовал запах перегара, и сел – этот человек был ему неприятен до омерзения, но выбора не было.

– Николай, я вас попрошу очень подробно рассказать мне, что происходило в павильоне, – попросил он. – Я понимаю, что вам неприятно это вспоминать, но так надо.

– Ну, вошли. Сели за столик…

– Какой у вас был номер столика? – быстро уточнил Гуров.

– Не помню. У Наташки спросите, может, она помнит. Ну, принесли чай, пирожки с пирогами. Дети вокруг вовсю веселились – такой шум стоял! Потом на сцене клоуны появились, музыка грохотала. И тут вдруг светильник с потолка упал, да так, что всех сидевших за столиком накрыл. К нему кто-то бросился… Кажется, официантка и какой-то мужик из-за столика, что рядом был, а там на пол кровь капает. Официантка завизжала. Потом один за другим еще два светильника упали, а пол стал наклоняться. Понял я, если нас всех в одну кучу свалит, то передавим мы друг друга, к едрене фене. Наташка от страха замерла, девчонки в голос орут. А тут еще с потолка стекла посыпались. Что было делать? Схватил я ее и к стене кинул, детей

следом. Они там съежились, и Наташка все пыталась их как-нибудь под себя спрятать. Я стол схватил, сверху поставил, чтобы их закрыть, только стол этот дурацкий не закрывал ни хрена. Смотрю, и они, и стол сползать начали. Ну, я под стол залез и сверху лег, чтобы их закрыть. Во что руками вцепился, не знаю, помню, что боль была дикая. Помню грохот, помню, как Наташка подо мной вдруг вздрогнула и обмякла. А потом удар по ногам, невыносимая боль и темнота. Очнулся уже здесь.

– Вы действительно герой! Как я и сказал вашему дяде, вы единственный, кто там не растерялся и этим спас свою семью, – сказал Лев, хоть и неприятно было ему это произносить. – А что касается ноги, так с войны мужчины еще и не такими возвращались, но все знали, что они герои и относились к ним с большим уважением.

– Бросьте! – скривился Николай. – Я теперь инвалид! А этого никакими деньгами не окупить! Чего вам еще надо от меня? – Он явно спешил поскорее получить свой коньяк.

– Я не знаю, в каком состоянии ваша жена и сможет ли она ответить на мои вопросы, поэтому попрошу вас помочь мне. – Гуров достал из борсетки файл, а из него лист со схемой расположения столиков и всего остального в павильоне и протянул его Николаю, как и ручку: – Отметьте, пожалуйста, на схеме, где сидели вы и на какой столик упал тот первый светильник. Было бы просто замечательно, если бы вы вспомнили, куда упали следующие.

Чугунов взял лист в руки – каждый его палец был забинтован отдельно, видимо, действительно ногти сорвал, повертел его, посмотрел, подумал, а потом уверенно ткнул ручкой:

– Вот это был наш столик. А тот первый плафон упал на самый крайний во втором ряду справа от нас. По поводу остальных я ничего не знаю – уже не до того было.

Гуров взял у него лист, посмотрел и на этот раз искренне сказал:

– Спасибо вам большое, Николай! Вы нам очень помогли!

Он убрал файл с листком обратно в борсетку, поднялся, вернул стул на место и, пожелав скорейшего выздоровления, вышел, а вот Глеб задержался буквально на минуту, но тут же догнал его в коридоре.

– А теперь узнай, пожалуйста, не могу ли я задать Наталье всего пару вопросов, – попросил его Лев.

Глеб подошел к другой палате, возле которой стоял охранник, осторожно приоткрыл дверь и заглянул, а потом поманил Гурова рукой, шепнув:

– Не спит. Только вы уж потише, чтобы девочек не разбудить.

Они на цыпочках вошли в палату, причем, увидев шедшего первым Гурова, Наталья перепугалась насмерть, но, заметив за его спиной Глеба, тут же успокоилась. Она действительно лежала на широкой, видимо, привезенной из дома кровати, а по бокам у нее, прижавшись к ней, лежали ее дочки, и их лица во сне были безмятежными. Возле стены стояли две детские кроватки, а рядом с ними в кресле дремала пожилая женщина – то ли няня детей, то ли медсестра. Видимо, ночью ей приходилось несладко, вот она и пользовалась моментом, чтобы поспать днем.

– Наталья, это тот человек, который вас нашел, – тихо сказал Глеб, показывая на Льва.

На глазах у женщины тут же появились слезы, и она прошептала:

– Спасибо вам большое! Если бы не вы, мы бы погибли.

– Благодарить надо не меня, а Глеба и его товарищей – они были так решительно настроены, что их бы и танки не остановили, – улыбнулся ей Гуров.

– Я все знаю, но ведь это благодаря вам их пропустили, – возразила она. – И там, в павильоне, вы нас нашли.

– Не стоит благодарности: спасать людей – моя профессия. Наталья, я понимаю, что вам очень больно все это вспоминать, но мне нужно кое-что уточнить.

– Спрашивайте, – кивнула она. – Мне днем колют столько успокоительного, а на ночь еще и снотворное, что я уже не плачу.

– Тогда скажите, вы помните номер вашего столика в павильоне?

– Да, номер тридцать семь. Он был в третьем ряду как раз посередине, напротив сцены. Я еще обрадовалась, что девочкам будет все хорошо видно. И вообще, это был такой замечательный праздник, все так веселились!

– Наталья, ваш муж отметил тот столик, за которым сидели вы, и тот, на который упал первый светильник. Посмотрите, пожалуйста, все верно? – попросил Гуров и протянул ей схему.

Она взяла ее, посмотрела, опустила, задумалась, снова посмотрела, а потом сказала:

– Насчет нашего столика все правильно. А вот тот… Я точно помню, что он был самый крайний во втором ряду справа от нас.

– А вы случайно не помните, кто за ним сидел?

– Сначала никто, потом какая-то семья: муж с женой и двое детей. А потом вроде уже другая семья, но я могу и ошибаться, потому что… – ответила она, и ее губы задрожали.

– Все, мы уходим, – поспешно произнес Глеб.

– Да-да, Наташа, спасибо вам большое, и поправляйтесь, и вы, и девочки, – проговорил Лев, и они с Глебом вышли из палаты.

В машине Степан с нетерпением ждал Гурова, изнывая от любопытства.

– Поехали к Крячко – может, он уже вернулся, – садясь рядом с ним, сказал Лев. – А нет, так я сам пока все документы почитаю, отчеты уже должны поступать.

– Конечно, поедем, только сначала вы перекусите.

– Нет, потом, – покачал головой Лев. – Сейчас некогда.

– Лев Иванович, давайте договоримся. Сегодня вы будете питаться, как положено. А вечером, вернувшись домой, вы почитаете в Интернете о том, что такое рак поджелудочной железы. Если сочтете эту болезнь достойным завершением своего жизненного пути, вы мне завтра утром так и скажете: «Степа, я хочу умереть от рака поджелудочной железы». И даю честное слово, что я больше никогда, ни разу ни о чем вам не напомню, потому что привык уважать чужое решение. А то, что приготовит Тамара, мы будем просто выбрасывать, чтобы ее не расстраивать, – очень решительно и серьезно произнес Савельев.

Гурову стало стыдно так, как давно уже не было. Он посмотрел на себя со стороны и понял, что ведет себя как последний идиот. Близкие люди желают ему добра, а он, занятый своими нескончаемыми делами, отмахивается от них, как от назойливых мух. Но в конце концов им это надоест, и они оставят его в покое, но хуже от этого будет только ему.

– Прости, Степан, – пробормотал Лев. – Конечно же, я поем. Где там наши судки?

К чести парня надо сказать, что он и слова не произнес, а просто достал пакет с термосами и отдал Гурову. Лев начал есть, а сам в это время думал о том, какой же он дурак. Съев весь куриный супчик с сухариками и выпив стакан настоя шиповника с курагой – вкусно, оказывается! – он пересел в свою машину и оттуда позвонил Степану:

– Степа, можно ехать. – Затем, помолчав секунду, немного виновато спросил: – А ты сам что-нибудь ел?

– Лика сказала, что я здоров, как молодой лось, и способен питаться сосновой корой. Сосны поблизости не оказалось, так что я обглодал березу – ничего, тоже вкусно! – схохмил тот, а потом уже серьезно ответил: – Пирожки по дороге купил. Ну, поехали, что ли!

Четверг. День, вечер и ночь

Сидя за столом и обложившись бумагами, Крячко вид имел необыкновенно важный. Они устроились рядом, Степан достал из кармана и положил на стол прибор, кратко объяснив:

– «Глушилка» на всякий случай, – после чего предложил: – Ну, давайте я первый, что ли. Я, как и обещал, посмотрел, что у нас есть на Зубра. Приблизительно год назад он под другой фамилией вылетал в Германию, а потом несколько раз в Израиль, где задерживался от недели до месяца. У него саркома! Жить ему осталось совсем недолго!

– Вот уж кому я не пожелаю царствия небесного! – с чувством проговорил Стас и зачем-то перекрестился.

– Так вот почему он как с цепи сорвался, – понял Гуров. – Как других убивать, так у него ничего не дрогнуло, а как сам в лицо смерти заглянул, нервы и не выдержали. Потому-то он и торопится, отсюда и сроки такие, что хочет отомстить до того, как сам умрет.

– Вот именно! – подтвердил Савельев. – А с полгода назад, видимо, когда стало окончательно ясно, что ему не поправиться, в его доме появился Николай Чугунов с женой и детьми. Зубр за свою жизнь много нахапал, а завещать на благотворительность или на церковь не стал, решил незаконного ребенка облагодетельствовать. А может, сентиментальным стал, тепла семейного хоть под конец захотелось, на руках у родного человека умереть? Черт его знает, но расклад такой.

– Очень познавательно, но нам это ничего не дает. По клубу есть что-нибудь интересное? – спросил Лев.

– Есть! – кивнул Савельев. – Если можно считать интересным найденную в мусорном баке и присвоенную дворником-таджиком дорогую пустую борсетку из натуральной кожи, но без ручки, которую не без труда отбили у него мои парни. Они отдали ее нашим криминалистам, но те ни за что не ручаются – лапали ее все, кому ни лень. По поводу врачей «Скорой помощи» – Борис ни у кого из них телефон не просил. Зато насчет кнопок и окружавшей их бумаги этого не скажешь – наш клиент! – торжествующе заключил Степан. – Те фрагменты отпечатков, что на месте преступления найдены, принадлежат ему.

От облегчения Лев даже головой повертел и шумно выдохнул – наконец хоть что-то.

– И сразу ложка дегтя, – добавил парень. – То, что я принял за кровь, оказалось всего лишь пастой от шариковой ручки. Ну а что у вас, Станислав Васильевич?

– Я в больнице все углы облазил, со всеми поговорил и вот что узнал. Привезли парня с большой кровопотерей. Вещи с него сняли, документы нашли и оформлять начали, а его самого тут же на стол – ногу зашивать, а потом в палату и под капельницу. Женщина вечером пришла, причем спрашивала именно Бориса Беклемищева. Из врача всю душу вынула, интересовалась, насколько это опасно, чем они его лечат и не нужны ли какие-нибудь лекарства. Ушла и действительно больше не появлялась. Сама она никому по имени не представлялась, да ее никто и не спрашивал. Теперь по поводу мужика, точнее, мужичонки, как его там одна медсестра назвала. Они с Борисом действительно похожи, вот он спрашивал про Бориса, которого с поврежденной ногой со стройки привезли, но фамилии не называл. Поскольку такой был только один, то его к нему и отправили. Правда, пришел он с пустыми руками, посидел рядом с сыном совсем недолго, спросил у врача, долго ли его сын в больнице пробудет, и, узнав, что минимум неделю, ушел. Но! Тут начинается самое интересное. Женщина о тех вещах, в которых Борис был, даже не вспомнила, а вот мужичонка их у сестры-хозяйки забрал, объяснив, что почистит, починит и погладит. Но только он больше в больнице не появлялся! Ни с вещами, ни без! Звонок, правда, от какого-то мужчины насчет Бориса Беклемищева был, уже после того, как тот сбежал, но тот ли мужичонка звонил или кто-то другой – неизвестно. Однако то, что звонивший расстроился, узнав, что Бориса в больнице больше нет, факт. Теперь

по поводу того, как Борис из больницы слинял. На третий день ему костыли дали, чтобы он мог в столовую самостоятельно ходить, и тут пришел к нему здоровый мужик. Помог Борису вниз спуститься, а когда их на выходе охранник попытался задержать, мужик ему сказал, что они просто свежим воздухом подышать хотят. Он накинул Борису на плечи свою куртку, и они вышли во двор. И все! Костыли нашли лежащими на лавочке, а Бориса и мужика и след простыл. Я так думаю, что машина где-то поблизости стояла, на ней они и уехали. И заметим, на похищение это совсем не похоже, потому что уходил Борис с радостью! Тут и сказочке конец!

– Я уже ничего не понимаю! – взорвался Степан. – Это не уголовное дело, а концерт самодеятельности в дурдоме!

– Да, ясности не прибавилось, а все только еще больше запуталось, – вздохнул Гуров.

– А эти сволочи продолжают свой саботаж, – добавил Крячко. – Хоть и говорил я им, что досрочное выполнение поручения будет приветствоваться и должным образом оцениваться, но до сих пор никто ничего не сообщил.

– Ничего, сейчас я их взбодрю! – зловеще пообещал Лев. – А пока будем работать с тем, что есть. Счастье великое, у Владыкина сохранилась на дисках и в собственном компьютере вся документация по строительству. Смотрите! – Он достал и положил на стол схему павильона, которую давал Николаю. – Столиков было пять рядов по пятнадцать штук. Чугуновы сидели за тридцать седьмым столиком, то есть прямо напротив сцены, а тот, на который упал первый светильник и убил всю семью, был самым крайним справа от них во втором ряду, то есть шестнадцатым!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.